

Н-66-94
2

18.169, 3.3

МАЛОРОССІЙСКІЯ
И
ЧЕРВОНОРУССКІЯ
НАРОДНЫЯ
ДУМЫ И ПѢСНИ.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА И К°.

1856.

18. 169. 3. 3.

МАЛОРОССІЙСКІЯ

И

ЧЕРВОНОРУССКІЯ

НАРОДНЫЯ

ДУМЫ И ПѢСНИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА И К^о.

=
1836.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ТИП. Д. Д. Д.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 6 Мая 1836 года.

Ценсоръ ПЕТРЪ КОРСАКОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

МАЛОРОССІЙСКІЯ

ДУМЫ И ПѢСНИ.

Мы имеемъ уже два собранія Украинскихъ пѣсень, Гг. Срезневскаго и Максимовича. Я спасъ еще нѣсколько народныхъ пѣсней, и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это можетъ быть послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи, — тамъ народныя пѣсни давнымъ давно уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно замѣнены солдатскими, или Вѣлкороссійскими пѣснями. Малороссійскій парубокъ за стыдъ себѣ почитаетъ пѣть другія. Пословица справедливо говоритъ: что все хорошо на своемъ мѣстѣ; если Русскія пѣсни такъ прекрасны въ устахъ лихаго солдата или ямщика, то ничего не могутъ быть онѣ ужаснѣе при пѣніи ихъ Малороссіяниномъ, съ его густымъ басомъ и медленнымъ выговоромъ словъ. Пройдитесь по Малороссійскому селенію въ тихую ночь, когда молодежь собирается на улицу или вечерницу — страхъ невольно пробѣжитъ по вашимъ нервамъ: представьте себѣ мужика, который одну ноту тянетъ съ дребезжащимъ крикомъ до безконечности, заглушающій хоръ подоспѣваетъ въ помощь этому запѣвалъ — и вы въ опасности потерять органъ слуха..... невольно закрывъ уши, вы увидите какъ можно далѣе; но въ отдаленности голосъ пѣвцовъ становится еще непріятнѣе, это совершенный вой волковъ. Примѣчательно, что и женскій полъ въ Малороссіи разлюбилъ свои прелестныя томныя пѣсни, гдѣ воспѣвались любовь и разлу-

ка съ милымъ козаченькомъ, и гдѣ съ такимъ неизъяснимымъ чувствомъ и простою красавица выражала:

Толькô минѣ легче станеть,
Якъ крошку заплачу! или
Ой не видно того села — только видно хресты,
Туда минѣ лобо, мило оценьками свести!

Пѣтъ, теперь ужь этого пѣнія отъ нихъ не услышите и между ними есть запѣвалы и пискливой хоръ, и какой! не скажу объ немъ ни слова. Не зная Велико-россійскихъ женскихъ пѣсней, дѣвушки Малороссійскія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни, какія и ихъ парубки, т. е. солдатскія и ямщицкія. Нерѣдко мужчины и женщины поютъ вмѣстѣ эту пѣсню, или, лучше сказать, горланять, составляя самый забавный въ мірѣ концертъ..... Провѣжайте всю Малороссію вдоль и въ поперекъ, и я ручаюсь вамъ, что вы не услышите ни одной національной пѣсни. Изъ десяти парубковъ едва ли сыщется одинъ, который можетъ вамъ пропѣть «мужицкую пѣсню» и то какую нибудь женскую. И горе ему, если услышать это его товарищи, онъ будетъ осмѣянъ какъ «мужикъ». Эти мужицкія пѣсни вы можете услышать только гдѣ нибудь въ уединеніи — въ полѣ въ лѣсу, и то въ искаженномъ видѣ. Новѣйшая Малороссійская народная муза ничего еще не произвела, кромѣ двухъ или трехъ пѣсень о рекрутскихъ наборахъ, которыхъ содержаніе взято также изъ солдатскихъ и имѣютъ Великороссійскіе голоса; тоже должно сказать и обо всѣхъ удѣльскихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ: все онѣ поются на ладъ «парня и дѣвки»; чрезъ двадцать лѣтъ мы будемъ отыскивать настоящіе ихъ

голоса въ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ (*). Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни удѣльскія.

И такъ эти пѣсни, которыя я издаю, есть уже мертвыя для Малороссійянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самыхъ хулителей всего Украинскаго; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ, — скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу во гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцамъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на завалившуюся ихъ могилу или долетитъ на высокій курганъ козацкій.

Издатель.

С. П. Б. 1836 года. 4 Мая.

(*). Замѣтимъ еще, что встарину въ Малороссіи, каждой поселенинѣ было музыкальнѣе, въ каждой избѣ можно было найти скрипку, гусли или бандуру; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется одинъ скрипачъ; — новѣйшее пѣніе не нуждается въ музыкѣ.

БАЙДА.

Благодаря почтеннымъ нашимъ собирателямъ народныхъ Малороссійскихъ эпоей, мы имѣемъ теперь почти обо всѣхъ герояхъ южнаго нашего отечества прекрасныя думы; между тѣмъ какъ объ одномъ знаменитомъ лицѣ — Дмитрѣ Вишневецкомъ народная муза ничего, повидимому, не передала. Сей потомокъ Святара Владиміра судьбою былъ вовлеченъ въ общую участь злосчастныхъ Русиновъ, — въ единственное пристанище ихъ свободы, — на Хортицкій островъ. Тамъ онъ является главою Запорожцевъ. Счастливо отразивъ отъ него нападеніе Крымскаго Хана, но, въ послѣдствіи, будучи оттуда выгнанный Волохами и Турками, онъ овладѣлъ Черкасами и Каневою, и предложилъ Іоанну Грозному покорить скипетру его всю южную Русь; къ несчастію Іоаннъ, болѣе обращающій вниманіе на Ливонію, отвергнулъ это предложеніе. Однако Вишневецкій сослужилъ службу Царю Бѣлому, — истреблялъ Крымцевъ при Азовскомъ морѣ, и основалъ на Дону городъ Черкасскъ; съ сего времени Донскіе козаки, усиленные поселившимися между ними Запорожцами, являются въ Исторіи какъ общество политическое. Выпишемъ изъ истеріи Малой Россіи Г. Бантыша-Каменскаго последнее дѣяніе Вишневецкаго; «..... честолюбіе по-

«влекло его въ Молдавію и ускорило преждевременную смерть. Призванный Боярами для владычествования надъ ними, вмѣсто достойнаго Господаря Стефана IX, Вишневецкій стремился за словою въ сопровожденіи малой дружины, и былъ жертвою обмана: не почести, но оковы ожидали его. Стефанъ послалъ Димитрія въ Константинополь, гдѣ Султанъ лишилъ его жизни мучительскимъ образомъ: онъ былъ сброшенъ съ высокаго жила на разставленные внизу колья, зацѣпился ребромъ и висѣлъ трое сутокъ, испуская жалостныя вопли. Во все сіе время страдалецъ славилъ Бога, проклиная Магомета. Одинъ Турокъ не могъ удержать своего изступленія, и пронзилъ его стрѣлою.» Част. 1. стр. 130. Энгель стр. 38; Писецкій т. IV, стр. 545.

Неужели Малороссіяне не воспѣваютъ въ своихъ думахъ этого славнаго рыцаря? Напротивъ можно утвердительно сказать, что думы объ немъ и по сію пору существуютъ; вся трудность въ узнаніи истины заключается въ томъ, что вообще наши предки всѣхъ своихъ предводителей обикновенно переименовывали по своему, давая имъ имена, свойственныя ихъ характеру или качествамъ. Такъ Гетьманъ Подкова — извѣстенъ въ думахъ подъ названіемъ *Серпаги*; Шахъ — называется *Жахъ* (ужасъ); Полковникъ Адамовичъ — *Костырь*, Львеницкій — *Волочай* и пр. Послѣ этого неудивительно будетъ, если Вишневецкій изъ Польской фамиліи, переименованъ ими въ Байду (безпечный; — бай, повелит. наклон. глагола: баюкать, убаюкивать, дуже весьма, отсюда нарѣч. байдуже — нѣтъ надобности, ничего).

Въ сей думѣ говорится, что Байда застрѣлилъ Султана Турецкаго; хотя это и вымыселъ, однако доволь-

но вѣрно сообразуется съ историческими свидѣтельствами: Вишневецкій казненъ мучительно въ Константинополь въ 1564 году; Солиманъ II, тогдашній Турецкій Императоръ, умеръ чрезъ два года послѣ этого происшествія, во время Венгерскаго похода; вѣроятно не ранѣе двухъ лѣтъ пришла въ южную Россію вѣсть о смерти того и другаго, и это могло подать поводъ сослуживцамъ Байды сочинить въ честь его богатырскую думу, въ которой и Солиману порядкомъ досталось. Дума сія имѣетъ прекрасный мужественный голось и была встарину въ числѣ войсковыхъ, или военныхъ пѣсней.

I.

Ой у Кыевъ, да на рыночку,
Тамъ пѣть Байда да горьмочку,
Ой пѣ-же вѣнъ да подбивае:
Да на Турецкаго Царя похваляе.

Ой кликнувъ Царь на своя тайдуки:
«Да вѣзьмите Байду въ добрыи руки,
Да вѣзьмите Байду да сѣвяжите,
Да на гакъ ребромъ почепите!»

Да висѣть Байда, не день, не два,
Не двѣ ноченьки, не двѣ годиночки:
«Ой ты джуро молоденькій (*)!
Шо на тобѣ жупанъ голубенькій:
«Подай мнѣ лучокъ и стрѣлокъ пучокъ,
Да забачивъ я трехъ голубочокъ.»

(*) Говоритъ Байда Турецкому слугѣ.

Якъ ударить Царя
 Да посередь чела,
 А Царицю у потылицю,
 А Царевнѣчку у головочку:

«Отъ-се тобѣ Царю,
 Да за твою кару!
 Шо ты не умѣеъ Байды якъ покарати,
 Було-бѣ тобѣ, Царю, — Байду покарати,
 Було-бѣ тобѣ Байде съ плечъ голову сътяти:
 Да на Козацькую славу одати!.... (*)»

Прим. Гакъ, крикъ, (Шѣм. Накел.); година — часъ; оттяти (Сл.) отрубить.

(*) При чтеніи Малор. шсеень должно выговаривать букву т за-ль; г, какъ въ Славяно-Черковномъ нашемъ языкѣ за г (Лат. h); с, въ началѣ согласной буквы, большею частію какъ зъ, если надъ гласною буквою поставленъ знакъ ^ то ее должно произносить какъ и; предлогъ отъ, какъ одъ; впрочемъ есть на это исключенія.

САМОЙЛО КИШКА.

=

Вотъ новый герой позабытый (несуществовавшей) исторіею Запорожья. Наши летописи ничего не говорятъ объ немъ, какъ обыкновенно о многихъ Кошевыхъ Запорожскихъ. Быть можетъ, подъ именемъ Кишки скрывается какой нибудь известный вождь Запорожцевъ. Но это одна догадка. До рѣшенія этой задачи, мы должны радоваться, что можемъ по крайней мѣрѣ опредѣлить время сему происшествію, — благодаря исторіи Руссовъ Конисскаго. Въ этой думѣ упоминается о Гетьманѣ Скалозубѣ (Семенѣ), сторожившемъ на островѣ Теандрѣ, у Днѣпровскаго Лимана. Вотъ что пишетъ Конисскій объ немъ:

«Демьянъ Скалозубъ, избранный Гетманомъ изъ Полковниковъ въ 1588 году, донесъ Королю о неприязненныхъ дѣйствіяхъ Крымцевъ, которые захватили въ плѣнъ около мѣстечекъ Опощни и Котельвы нѣскольکو сотъ человекъ; получивъ отъ Короля позволеніе, не открывая явной войны, дѣйствовать искуснымъ образомъ противъ неверныхъ, велѣлъ Кошевому Запорожскому, Печаю, умножить лодки, прибылъ самъ съ свѣчь съ коннымъ войскомъ, смѣнилъ тутъ три полка Козацкіе, отправилъ ихъ въ море съ значительнымъ числомъ Запорожцевъ. Войско сіе ввѣрено Гетманомъ

«Писарю Войсковому, Ивану Богуславцу, и Полковнику Карпу Перебиносу: они должны были, пройдя Алмавомъ къ приморскимъ Крымскимъ городамъ, запретить ихъ гавани, осматривать выходящія изъ оныхъ суда, отбирать Россійскихъ плавщиковъ. Въ слѣдъ за симъ Скалозубъ, приказавъ Генеральному Обозному Якову Сурмилу тревожить съ остальнымъ Козацкимъ войскомъ Крымцевъ на сухомъ пути, чтобы они отправляли плавщиковъ въ приморскіе города, пустился самъ въ море въ заливъ Керчинскій, но при входѣ въ оный окруженъ былъ нѣсколькими военными Турецкими судами, вступилъ съ ними въ бой, взялъ въ пленъ, отвезенъ въ Царьградъ, и тамъ уморенъ голодомъ. Писарь Богуславецъ, захваченный Турками при Козловѣ, вырученъ послѣ Запорожцами помощію Семиры, жены Пашы Турецкаго, которая влѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Малороссію. Прочія войска Козацкія съ Обознымъ Сурмиломъ и съ Полковникомъ Перебиносомъ возвратились также въ свою землю.» Ист. М. Р. т. 1. стр. 152 и 153.

И такъ Скалозубъ, до взятія своего въ пленъ, или до 1589 года, могъ въ числѣ Русскихъ пленниковъ, бывшихъ у Мусульманъ, споспѣшествовать и освобожденію Кошеваго Кишки, томившагося въ рабствѣ съ 1534 года. Впрочемъ Скалозубъ, какъ увидимъ изъ думы, весьма небольшое оказалъ ему пособіе. Здѣсь встрѣчается небольшое недоразумѣніе у Кошеваго: Скалозубъ названъ Демьяномъ, а въ нашей эпопеѣ Семеномъ. Впрочемъ это могла быть ошибка, съ которой нибудь стороны. Рѣшительно могу сказать, что сія дума по количеству стиховъ своихъ, подробностямъ и истинно Го-

мерическимъ описаніямъ, превосходить въ своемъ родѣ всѣ донынѣ намъ извѣстныя въ южной Россіи думы. Она списана въ Полтавской губерніи точь въ точь со словъ бандуриста-слѣпца.

Дума 2.

Ой изъ города изъ Трапезондта выступала галера,
Тремя цвѣтами процвѣтана, малѣвана.
Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана —
Злато-синними кидьяками побывана;
А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Гарматами арештована;
Третьимъ цвѣтомъ процвѣтана —
Турецкою бѣлою габою покровѣна.

То въ той галерѣ Алканъ Паша,
Трапезондское Князя гуляе;
Масть собъ избранного люду:
10. Семсотъ Турковъ, Янычаръ штыреста,
Да бѣднаго невольника почварта-ста (*),
Безъ старшинны войсковои;
Первый старшій межъ ними пробуваетъ:
Кишка Самойло, Гетьманъ Запорожскій,
Другій, Марко Рудый, Судья войсковый,
Третій, Менсій Граць, войсковый Трёмбачъ,
Четвертый, Ляхъ Бутурлакъ, клюшникъ галерскій,
Сотникъ Перяславскій,
Недоврокъ Христіянскій!
20. Що бувъ тридцать лѣтъ у неволи,
Двадцать штыре якъ ставъ по воли,
Потурчився, добусурманився,

(*) 350 челствъ.

- Для Панства великого,
 Для лакомства несчастного!.....
 Въ той галерѣ отъ пристани далеко отпускали,
 Чернымъ моремъ далеко гуляли;
 Противъ Кефи города,
 Тамъ собѣ великій да довгій опочинокъ мали.
 То представится Алканъ Пашатъ,
 30. Трапезондскому князятъ, молодому панятъ,
 Сонъ дивенъ, барзо дивенъ на причудъ.....
 То Алканъ Паша, Трапезондское Князя,
 На Туркѣвъ, Янычаръ, на бѣдныхъ невольникѣвъ по-
 клекаетъ:
 «Турки, каже, Турки, Янычаре,
 И вы бѣдныи невольники!
 Который бы могъ Турчинъ, Янычаръ, сей сонъ отга-
 дати,
 Могъ бы ему три грады Турецкіе даровати,
 А который бы могъ бѣдный невольникъ отгадати,
 Могъ бы ему листы — вызволени писати,
 40. Щобъ не могъ нигде никто зачепати!»
 Сее Турки зачували,ничого не сказали;
 Бѣдныи невольники хочъ добре знали, собѣ промовчали.
 Тѣлько обозветься межъ Туркѣвъ
 Дяхъ Бутурлакъ, ключникъ галерскій,
 Сотникъ Переяславскій,
 Недовврокъ Христіанскій:
 «Якъ-же, каже, Алкане Пашо, твоѣй сонъ отгадати,
 Что ты не можешъ намъ повѣдати?»
 «Такій мицъ, себожита, сонъ приспився,
 50. Бо-дай цыкомъ не явився:
 Видится моя галера цвѣткована, малѣвана,
 Стала вся обѣдрана, на пожаръ спускана;
 Видится моя Турки, Янычары,
 Стали вси въ пѣнь порубаны;

- А видится мои бѣдныи невольники,
 Которыи були у неволь,
 То вси стали по воль;
 Видится меде Гетьманъ Кишка,
 На три части розтивъ,
 60. У Черное море помставъ.....»
 То скоро тое Дяхъ Бутурлакъ зачувавъ,
 Къ нему словами промовляеъ:
 «Алканъ Пашо, Трапезондскій Князяту,
 Молодой Паняту, —
 Сей тобѣ сонъ не буде, ни мало зачепати,
 Скажи миѣ получче бѣдного невольника доглядати,
 Съ ряду до ряду сажати,
 По два, по три старыи кайданы и новыи исправляти,
 На руки, на ноги надѣвати, съ ряду до ряду сажати,
 Червоною таволгою, по два дубця брати,
 70. По шяхъ затынати, кровь Христіанскую на землю про-
 ливати.»
 Скоро то сее зачували:
 Отъ пристани галеру далеко отпускали,
 Тогда бѣдныхъ невольникѣвъ до опачинъ руками прийма-
 мали,
 Широкобскою, морскою воды доставали;
 Скоро то сее зачували,
 Отъ пристани галеру далеко отпускали:
 До города Козлова,
 До дѣвки Санджаконны, на залѣты посипшани.
 То до города Козлова пробували,
 Дѣвка Санджаконна, на встрѣчу выхожае,
 Алкана Пашу въ городъ Козлѣвъ,
 Со всѣмъ вѣйскомъ затыгала,
 80. Алкана за бѣлу руку брала,
 У свѣтлицы, камяници вызывала,
 За бѣлу скамью сажала,

Дорогими напитками наповала.
 А вѣйсько середь рынку сажала.
 То Алканъ Паша, Трапезондское Князя,
 Не барзо дорогіи напитки вживае,
 Якъ до галеры двухъ Турчинѣвъ на пѣдслухи посыллае:
 Щобъ не могъище Бутурлакъ, Кишку Самѣйла отмыкати,
 У поручъ себе сажати.

90. То скоро ся тыи два Турчина
 До галеры пробували.....
 То Кишко Самѣйло, Гетьманъ Запорожскій,
 Словами промовляе:
 «Ай Ляше Бутурлаче, брате старесенькій!
 Колись и ты бувъ въ такій неволѣ,
 Якъ мы теперя,
 Добрѣ намъ вчини,
 Хочъ насъ старшину отомкны;
 Хай бы и мы у городѣ побували,
 Паньске весѣлье добре знали»,
 Каже, Ляхъ Бутурлакъ:
 «Ой Кишко Самѣйлу, Гетьмане Запорожскій,
 Батьку Козацькій! Добро ты вчини:
 100. Вѣру Християнську, подъ нозъ пѣдтопчя,
 Хрестъ на собѣ помони.
 Аще будешъ вѣру Християнську подъ нозъ топтати,
 Будешъ у нашего пана молодого,
 За родного брата пробувати.»
 То скоро Кишка Самѣйло зачувае:
 «Ой Ляше Бутурлаче, недовѣрку Християнскій!
 Бодайже ты того не дождавъ,
 Щобъ я вѣру Християнскую подъ нозъ топтавъ!
 Хочъ буду до смерти бѣду да неволю приймаи,
 А буду въ землѣ Козацькій, голову Християнську покладати;
 Ваша вѣра погана,
 Земля проклята.

110. Скоро Ляхъ Бутурлакъ тое зачувае:
 Кишку Самѣйла у щоку затынае.
 «Ой, каже, Кишко Самѣйлу, Гетьмане Запорожскій,
 Будешъ ты мене въ вѣрѣ Християнскои укоряти,
 Буду тебѣ наче всѣхъ невольникѣвъ доглядати,
 Старши и новши кайданы направляти, —
 Лащюгами за поперекъ втрое буду брати.»
 То ты два Турчина, тос зачували,
 До Алкана Пашы пробували:
 120. «Алканъ Пашѣ, Трапезондское Княжд! безпечно гуляй:
 Доброго и вѣрного ключника маєшь,
 Кишку Самѣйла въ щоку затынае
 Въ Турецьку вѣру ввертае.»
 То Алканъ Паша, Трапезондское Княжд, великую радость
 мало:
 Пополамъ дорогіи напитки раздѣляло,
 Половину на галеру отсылало,
 Половину съ дѣвкою Санджаковною уживало.
 Ставъ Алканъ Паша дорогіи напитки пети, пѣдпивати,
 Стали умислы, Козацьку голову, ключника розбивати:
 130. «Господи есть у мене, що испити и исходити,
 Тѣлько ни съ кѣмъ объ вѣрѣ Християнскои розговорити.»
 До Кишки Самѣйла пробувае:
 По ручъ себе сажае,
 Дорогого напитка метае,
 По два, по три кубка въ руки наливае.
 То Самѣйло Кишка, по два, по три кубка въ руки бравъ,
 То у рукава, то у пазуху, сквозъ третю хусту до дому
 пускавъ.
 Ляхъ Бутурлакъ по единому выпивавъ:
 То такъ напився,
 Що съ нѣгъ съвалився.
 140. То Кишка Самѣйло да угадавъ:
 Ляха Бутурлака до ложку вмѣсто дитяти спати клавъ.

Самъ восемьдесятъ чотыри ключи същодъ головъ выймавъ,
 На пяти человекъ по ключу дававъ:
 «Козаки Панове, добре майте,
 Одинъ другого отмыкайте,
 Кайданы изъ ногъ, изъ рукъ некидайте,
 Полуночной години ожидайте.»

Тогдѣ козаки, одинъ другого отмыкали,

150. Кайданы изъ рукъ и изъ ногъ некидали;

Полуночной години ожидали,

А Кишка Самойло чогось догадавъ,

За бѣдного невольника ланцюгами втрое себе принявъ:

Полуночной години ожидавъ.

Стала полуночная година наступати,

Ставъ Алканъ Паша съ вѣйскомъ до галеры пробувати;

То до галеры пробувавъ, словами промовлявъ:

«Вы Турки, Янычаре, по малецьку дичте,

Моего вѣрного ключника не сбудите:

160. Самы же добре, по межъ рядами прохожайте,

Всякого чѣловѣка осмотрийте, —

Бо теперя вѣнъ подгулявъ,

Щобы кому шельги не давъ.»

То Турки, Янычаре свѣчи у руки брали,

По межъ рядѣвъ прохожали,

Всякого чѣловѣка осмотрили;

Богъ помогъ за замокъ руками не пріймали:

«Алканъ Пашѣ, безпечно почивай,

Доброго и вѣрного ключника маешъ,

170. Вѣнъ бѣдного невольника съ ряду, до ряду посажавъ,

По три, по два старыи кайданы и новыи посправлявъ;

А Кишку Самойла, ланцюгами у трое принявъ.»

Тогдѣ Турки, Янычаре у галеру вхожали

Безпечно спати полягали,

А которыи хмельны бували, на сонъ сънемогали —

Коло пристани Козловськой спати полягали.....

Тогдѣ Кишка Самойло полуночной години дождавъ:

Самъ межъ Козакѣвъ уставъ

Кайданы изъ рукъ и изъ ногъ у Чорное море поро-
 нявъ;

180. У галеру вхожае, Козакѣвъ побужавъ, —

Сабли булатныи на выбѣръ выбирае,

До Козакѣвъ промовляе:

«Вы Панове молодци! кайданами не стучате,

Ясныи не вчивите,

Ни которого Турчина въ галерѣ не сбудите.....»

То Козаки добре зачували:

Сами съ себе кайданы скидали,

У Чорное море кидали,

Ни одного Турчина не сбудили.

Тогдѣ Кишка Самойло до Козакѣвъ промовляе:

«Вы Козаки молодци! добре, братис, майте,

Отъ города Козлова забѣгайте:

190. Турокъ, Янычаръ въ пень рубайте,

Которыхъ живцѣмъ у Чорное море бросайте.....»

Тогдѣ Козаки отъ города Козлова забѣгли:

Турокъ, Янычаръ въ пень рубали,

Которыхъ живыхъ въ Чорное море бросали.

А Кишка Самойло Алкана Пашу изъ лѣжка взявъ,

На три часа розливъ, у Чорное море побросавъ.

До Козакѣвъ промовлявъ:

«Панове молодци! добре дбайте,

Всѣхъ у Чорное море бросайте,

Тѣлько Ляха Бутурлака не рубайте:

Между вѣйскомъ для порядку,

200. За ярызу войскового — засталяйте!»

Тогдѣ Козаки добре мали:

Всѣхъ Туркѣвъ у Чорное море пометали;

Тѣлько Ляха Бутурлака не сѣрубали,

Между вѣйскомъ для порядку,

За ярызу войскового воставляли.

Тогдѣ галеру отъ пристани отпускали,

Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли....

Да ще у недвлю барзо рано, по раненьку,

Не сива зузуля заковала:

Якъ дѣвка Санджаковна коло пристани походила,

Да бѣмы руки ломала, словами промовляла:

210. «Алкапъ Пашѣ, Трапезондское Княжату,

На що ты на мене, такое великое пересердіе маєшь,

Що отъ мене сегодня барзо рано вызъѣжаєшь;

Когдѣ бы була отъ отця и матуси,

Сорома и паруги приняла —

Съ тобою хочь одну ночь переночевала....»

Скоро ся тое промовляли: галеру отъ пристани отпу-
скали,

Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли.

А ще у Недвлюньку у полуденную годину,

Ляхъ Бутурлакъ отъ сна пробуждає:

220. По галерѣ поглядає, шо ни единого Турчина у галерѣ
не має.

Тогдѣ Ляха Бутурлакъ изъ лѣжка встаетъ

До Кишки Самѣйла прибуваетъ, у ноги впадаетъ:

«Ой Кишко Самѣйлу, Гетьмане Запорожскій, батьку
Козацкій!

Не будь же ты на мене,

Якъ я бувъ на останцѣ вѣка моего на тебе,

Богъ тобі да помѣгъ неприятеля побѣдити;

Да не умѣтѣмешъ у землю Християнскую входитьи;

Добро ты учини: половину Козакѣвъ у оковы до она-
чинѣ посади,

А половину у Турецкое дорогое платѣе наряди;

230. Бо ще будемо отъ города Козлова

До города Цареграда гуляти,

Будуть изъ города Цареграда двѣнадцать галерѣ вы-
бѣгати,

Будуть Алкана Пашу съ дѣвкою Санджаковною

По залѣтахъ поздравляти:

То якъ будешъ отвѣтъ отдавати?...»

Якъ Ляхъ Бутурлакъ научивъ,

Такъ Кишка Самѣйло, Гетьманъ Запорожскій, учинивъ:

Половину Козакѣвъ до оначинѣ у оковы посадивъ,

А половину у Турецкое дорогое платѣе нарядивъ.

Стали отъ города Козлова, до города Цареграда гу-
ляти,

Стали изъ Цареграда двѣнадцать галерѣ выбѣгати

240. И галеру изъ гарматы торкати, —

Стали Алкана Пашу съ дѣвкою Санджаковною

По залѣтахъ поздравляти.

То Ляхъ Бутурлакъ чегось догадавъ:

Самъ на чердакъ выступавъ,

Турецкимъ бѣленькимъ заиваломъ махавъ:

Разъ то мовить по Грецьки,

У друге по Турецьки,

Каже: «вы Турки, Янычаре, по маленьку, брати, дичте

Отъ галеры отверните:

250. Бо теперя вѣщъ подгулявъ, на упокоѣ почиваетъ,

На похмѣлье сънемогаетъ,

До васъ не встане, головы не съеде.

Казавъ: якъ буду назадъ гуляти,

То не буду вашей милости и повѣкъ забувати.»

Тогдѣ Турки, Янычаре, отъ галеры отвертали,

До города Цареграда убѣгали:

Изъ двѣнадцати штукъ гарматъ гремали, —

Яссу воздавали,

Тогдѣ козаки собѣ добре дбали:

260. Семь штукъ арматъ собѣ арештовали, —

Яссу воздавали,

- На Днѣпъ рѣку испадали,
 Къ Днѣпру славу и низенько уклоняли:
 «Хвалемъ ти Господи и благодаримъ!
 Були пятьдесятъ штыре годы у неволь,
 А теперя хочь не дастъ намъ Богъ на часъ поволь!»
- А у Тендровъ островъ Семенъ Скалозубъ
 Съ войскомъ на заставъ стоявъ,
 Да на тую галеру поглядывъ,
 До Козакѣвъ словами промовлявъ:
270. Козаки, Панове молодци! Що сія галера чи блудить,
 Чи свѣтомъ нудить,
 Чи много люду Царьского мае,
 Чи за великою добычью гоняе?
- То вы добре майте:
 По двѣ штукъ гарматъ набирайте,
 Тую галеру изъ Грозной гарматы привѣтайте,—
 Гостинця їй дайте!
- Если Турки, Лычаре, то у пень рубайте,
 Если бѣдныи невольники, то помочи дайте.»
- Тогдѣ Козаки промовляли:
280. «Семене Скалозубе, Гетьмане Запорожскій,
 Батьку Козацькій!
 Де-сь ты самъ боишься
 И насъ Козакѣвъ страшишься:
 Есть сія галера, не блудить,
 Ни свѣтомъ нудить,
 Ни много люду Царьского мае,
 Ни за великою добычью гоняе:
 Се можеть є давній, бѣдній невольникъ,
 Изъ неволи утекае....»
- «Вы вѣры не доймае,
 290. Хочь по двѣ гарматы набирайте:
 Тую галеру изъ Грозной гарматы привѣтайте,

- Гостинця їй дайте!
 Якъ Турки, Лычаре, то у пень рубайте,
 Если бѣдній невольникъ, то помочи дайте.»
- Тогдѣ козаки якъ дѣти не гораздъ починали,
 По двѣ штуки гарматъ набирали:
 Тую галеру изъ Грозной гарматы привѣтали,
 Три доски у судив выбивали,
 Воды Днѣпровской напускали....
300. Тогдѣ Кишка Самѣло, Гетьманъ Запорожскій,
 Чегось отгадывъ, самъ на чердакъ выстуцывъ;
 Червоныи, хрещатыи, давній Корогвы изъ кишени
 вынимавъ
 Роспускавъ....
 До воды похваливъ....
 Самъ низенько уклонивъ (*):
 «Козаки, Панове молодци! сія галера не блудить,

(*) Здесь видно все величіе души и истинно рыцарскій духъ древнихъ Малороссійцевъ: попавшись въ плѣнь Туркамъ, предводитель ихъ успѣлъ однако спасти отъ поруганія Корогвы или знамени, вѣроятно сорвавъ ихъ съ дѣрева и, какъ видно, Гетьманъ Кишка послалъ тайно отъ своихъ поработителей подъ платьемъ — сіи священныя знамена славы и свободы; и эти самыя хоругви послѣ пятидесяти четырехъ лѣтъ невольничества, онъ имѣлъ удовольствіе — снова «распустить» въ виду своихъ соотечественниковъ! Какой великой сюжетъ для живописца: сторожевыя Козаки, на островѣ Тендрѣ, знамомъ изъ пушекъ по извѣстному потопили галеру, на которой находились ихъ несчастныя собратья. Она погружается уже ко дну.... Столѣтній старецъ Кишка въ дрожащихъ рукахъ держитъ Русскіе «Корогвы» они уже достаютъ воды Днѣпровской, старецъ самъ наклонился и готовъ, кажется, погрузиться въ пучину.... Но онъ еще привѣтствуетъ своихъ соотечественниковъ и какъ бы взорами говоритъ имъ: «видите ли, ваши знамена невредимо уцѣлѣли отъ святотатныхъ рукъ Мусульманъ... честь спасена...» Что думалъ злополучный Кишка, когда переплывъ море, увидѣлъ конецъ своей жизни на берегу Днѣпра?...

Малороссійцы во время борьбы за свободу съ Поляками имѣли красныя хоругви съ изображеніемъ на нихъ креста. (См. Народныя Малор. думы, издан. Г. Срезневскимъ въ Запорожской старинѣ).

- Ни свѣтомъ нудить,
 Ни много люду Царьского мае,
 Ни за великою дѣбичью гонде:
310. Се есть давній, бѣднѣй нсвольникъ —
 Кишка Самѣйло взъ неволи утекас;
 Були пятьдесятъ чотыре годы у неволь.
 Теперъ чи не дасть Богъ, хоть на часъ повожь ...»
 Тогдѣ Козаки у каюки скакали,
 Тую галеру за малѣваны облавки брали,
 Да на пристань стягали,
 Отъ дуба до дуба,
 На Семена Скалозуба, паѣвали;
 Тую галеру на пристань стягали.
320. Тогдѣ: златосинѣи киндяки — на Козаки,
 Златоглавы — на Отаманцѣ,
 Турецкую бѣлую габу — на Козаки на бѣляки.
 А галеру на пожаръ спускали.
 А сребро, злато на три части паювали:
 Первую часть брали на церкви накладали:
 На святого Межигорского Спаса,
 На Терсхтемировскій монастырь,
 Па святую Сьчовую Покровъ-давали:
 Которы давнимъ Козацкимъ скарбомъ будовали,
 330. Щобъ за ихъ вставаючи и лягаючи,
 Милосердного Бога благали;
 А другую часть по межъ собою паювали;
 А третью часть брали:
 Очертами сѣдали,
 Пили да гуляли,
 Изъ семнадцатыхъ пишалей гремали,
 Кишку Самѣйла по волю поздравляли:
 «Здоровъ, кажутъ, здоровъ Кишко Самѣйлу,
 Гетьмане Запорожскій! не загинувъ еси у неволь,
 340. Не загинси съ нами Козаками по волю!...»

Правда, Панѣве, полегла Кишки Самѣйла голова,
 Въ Кіевъ-Каневъ монастырь...

Слава не умре, не поляже:

Буде слава славна —

По межъ Козаками,

По межъ друзьями,

По межъ Рыцарями,

По межъ добрыми молодцами.

Утверди Боже: люду Царьского,

Народу Христіянського,

Войска Запорожського, Донського,

Съ сією Чернью Днѣпровою,

Низовою:

На многіи лѣта,

До конца вѣка.

МОРОЗЕНКО.

=

Это также неизвестное лице въ исторіи Малороссіи, изъ думы о Гетьманѣ Свирговскомъ, помѣщенной въ Запорожской старинѣ и собраніи Укр. пѣсень Г. Максимовича, видно, что онъ былъ сподвижникъ сего Гетьмана. Следовательно жилъ около 1574 года. Здѣсь описывается мученическая его кончина у Татаръ.

3.

Ой ты Морозе, Морозенку, ой ты славный козаче,
 За тобою Морозенку, вся Украина плаче;
 Да не такъ тая Украина, ой якъ гордое войско.
 Заплакала Морозиха у недѣлю идучи на мѣсто:
 Не плачь, не плачь, Морозихо, о сыру землю не бійся,
 Ходимо съ ними козаками, да меду, вина на пійся:
 «Чѣмусь мнѣ милое братье, да медъ, вино не пьется,
 За моею границею Швединъ съ Ляхомъ бьется.....
 «Нехай бьется, рубается, вѣнь у тому кохається!»
 Ой изъ-за горы, за крутомъ, гордо войско выступае,
 Попереду Морозенко, сивымъ конемъ грае.
 Ой прихиливъ головоньку, къ сивому коню до гривоньки,
 Ой розпустивъ чорны кудры, къ сивому коню до копыта.
 «Иди, иди, сивый коню, тихою тупою,
 Съострѣнимся съ ордою, за бистрою рѣкою.»

По тымъ боцъ Запорожьци покопали шанци:
 Ой пѣмали Морозенка у недѣлю у ранцѣ,
 Посадили Морозенка на дубовѣй лавцѣ,
 Ой сняли съ Морозенка кармазинъ, сапьянци,
 Посадили Морозенка да на бѣломъ ряденцѣ,
 Да выйняли изъ Морозенка кровавое сердце.
 Выкопали Морозенку глубокую долину, (*)
 Высыпали Морозенку високу могилу:
 «Дивись, дивись, Морозенку! да на свою Украину!»
 «Чему-съ мнѣ, миле братье, да Украина не мила.....
 Тѣлько милый, мнѣ, братье — мѣй кѣнь вороний.
 Освдайте коня мого, повяжите козацькую зброю:
 Пехай бѣжить въ Украину до моего дому.»

Прим. *Мѣсто* — городокъ, мѣстечко, торговая площадь; *дивитися* — смѣрѣть; *козацкая зброя* — вообще оружіе.

(*) Козаки его товарищи.

С Е З Н А .

Это вѣроятно одинъ изъ сановниковъ войска Гетьмана Хмельницкаго. Дума сія весьма хорошо показываетъ нравы тогдашняго времени. Хмельницкій по своему обыкновенію выступая въ походъ, скрываетъ отъ подчиненныхъ, куда должны обратиться его побѣдоносные перуны. Войско настаиваетъ у Гетьмана, что оно должно «робить» не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, на послѣдокъ объявляетъ, что «знаетъ артикулы» или воинскіе уставы — и вскорѣ исторгаетъ у своего предводителя настоящее намѣреніе, цѣль похода: «бити Орду.» Вѣроятно этотъ походъ былъ весьма незначительный или простой «геречь.» Исторія объ немъ не упоминаетъ.

4.

«Хмельницкій, Гетьмане, батьку Отомане,
А що подумаешъ объ насъ ты батьку?.....»
«Ой хлопци, хлопци Гетьманци наши,
Да що будемъ робити,
Що мы починимо?..»
«Да Отомане батьку, мы знаємъ артикулы,
Да порадь же насъ батьку
Що будемъ робити.....»

«Чи будемо въ станѣ кашу варити?.....»
«Да косить хлопци очереть,
Варите вечерять.....» (*)
«Отомане батьку, що будемъ робити?.....»
«Орду будемъ бити;
Сьдайте хлопци на кони, берите узды добры,
Бѣжите по лугу, топчите-вы травицю,
Травиця низенька, полягла низенько:
Топчите вы Турка, низенько, близенько,
Топчите вы хлопци?.....
.....
Хвалитесь вы, хлопци, хто якъ хвалився?»
«Нихто нежурився; Отомане батьку!
Только одинъ хлопець плаче
На коня не ссяде.....»
«Хлопци бо молодии: посадить на коня,
Приставьте до мене,
Нехай подивлюся
Въ очи, распрощуся!.....»
«Ой Отомане батьку, Сезна не говорить
Благовѣрную творять.....»
«Козаки бо любезны! прощу милость вашу:
Сховайте гарисенько —
— На степь, при дорозь,
Прибитому шляху, на широкій дорозь.....»

(*) Это вторичный отзывъ Хмельницкаго, изъяснившася весьма темно.

ПЕРЕБИНОСЬ.

=

Это Максимъ Кривоносъ, одинъ изъ первыхъ сподвижниковъ Хмельницкаго, въ началъ возстанія южной Россіи противъ Польши, онъ прославился взятіемъ Подоннаго и Бара, но будучи разбитый подъ Пилявою, былъ взятъ въ плѣнь и казненъ. Однако въ продолженіе одного года (1648) своихъ дѣйствій, онъ перерубилъ болѣе пятидесяти тысячъ Поляковъ и Жидовъ. (Ист. М. Р. часть I. стр. 249.)

5.

Ой недали Перебиносу

Да вечеряти свѣти,

Ой пришли Перебиносу — не мудрыя вѣсти:

«Стережися, Перебиносу,

Тыси чорною гати,

Ой иде Ляхѡвъ сорокъ тысячъ

Хотятъ тебе взяти.»

Ой крикне панъ Перебиносъ

На хлопця малого:

«Объгай хлопче, объгай малый,

Отъ хаты до хаты,

Ой дай же ты малый,

Всѣмъ козаченькамъ знати.»

Ой крикнувъ панъ Перебиносъ

На хлопця малого:

«Объдай хлопче, объдай малый,

Коня вороного,

А собѣ хлопче, а собѣ малый,

Хоть полового!»

Ой не дали да Перебиносу

На кониченька спасти;

Якъ узавъ Ляхѡвъ, якъ узавъ Панѡвъ,

Якъ снопикѡвъ класти;

Ой не дали да Перебиносу

На кониченька свѣсти,

Якъ узавъ Ляхѡвъ, якъ узавъ Панѡвъ,

На капусту свѣти;

Ой гяне панъ Перебиносъ

На лъвую руку:

Да не выскочитъ его конь вороный

Изъ Лятьскаго груну,

Ой гяне панъ Перебиносъ

На правее плече:

Ажъ изъ Ляхѡвъ, ажъ изъ Панѡвъ,

Кровавая рѣчка тече.

ПЕЧАЙ.

Полковникъ Брацлавскаго полка, бывшаго въ нынѣшней Подольской губерніи, зять Богдана Хмельницкаго, одинъ изъ известнѣйшихъ героев Малороссіи; онъ убитъ въ сраженіи подъ Краснымъ. Приглаемая здѣсь объ немъ дума къ сожалѣнію не полная.

6.

Ой Печаенку, да козаченьку,
 Не пій воды гладко,
 Ой Печаенку, да козаченьку,
 Да роби ты порядкомъ.
 Ой Печаенко да козаченько,
 На конька съда:
 Да прощастся съ козаками,
 Якъ съ рѣдними братами:
 «Да прощайте мене, милы братья,
 Хвалить Бога за ласки,
 Що заслуживъ у Государя,
 Нечестивый ласки!

 Да думаетъ, гадае,
 Що на свѣтѣ робити:
 «Ой якъ минѣ Украину на свѣтѣ держати?.....»

«Да чѣмъ бо будемъ — Государю милостивому,
 Чѣмъ бо похвалитися?»
 «Похвалимся, добры хлопци, — своимъ вѣйскомъ Козацкимъ,
 Украина наша.....»

ТЕТЕРЯ.

Павель Тетеря, былъ Полковникъ Переяславскій, въ послѣдствіи Гетьманъ лѣвой стороны Днѣпра. Онъ держалъ сторону Короля Польскаго. Народъ, какъ видно изъ приложеннаго отрывка думы, не любилъ его. Къ сожалѣнію, эта дума, бывшая изъ словъ бандуриста весьма большимъ стихотвореніемъ, имъ не изучена. Быть можетъ, со временемъ она отыщется; вотъ ее только начало:

7.

За Хмельницкаго Юрся, пуста стала Украина съвелася,
 А за Павла Тетеренка:
 Который чоловікъ, утратився давно, не поправится и теперенька.....

Прим. *устрашитъ* — погубить себя; спятитъ съ ума.

ИВАСЬ КОПОВЧЕНКО.

Сія дума известна уже изъ собраній: Князя Цертелева и Г. Максимовича, но въ обоихъ довольно не полна и кратка. Нынешній ея списокъ есть одного бандуриста, который воспѣлъ и Самойла Кишку. Она относится къ концу XVII вѣка; Корсунскій Полковникъ Филопенко, по мнѣнію Г. Максимовича, могъ быть, сынъ Полковника Филона Чичая. Во время Хмельницкаго, Кіевская и Подольская губерніи, составляли нераздѣльную часть Малороссіи, но по милости Польской аристократіи и шляхты, тамъ въ разное время мало по малу, всѣ Русскіе благородные роды были вытѣснены или истреблены, между народомъ Уція введена насильно (*); а Козаки и Посполитые, всѣ обращены ими, въ крѣпостное состояніе; желательнo, чтобы, кто либо изъ нашихъ соотечественниковъ описалъ этотъ злополучный для южной Руси періодъ.

8.

Ой на славный Украинь, клякне, покликне
Филопенко, Корсунскій Полковникъ,

(* По присоединеніи сего края къ Россіи, народъ вновь принялъ Православіе.

На долину Черкень гуляти,
Славы вѣйску рыцарства достати,
За вѣру Христіанськую одностойно стати:
«Которые козаки, то и мужики,
Не хотять по ролѣ спотикати,
За плугомъ спины ломати,
Жовтого сафьяна каляти,

10. Чорного едемана пыломъ набивати:
Славы бы вѣйску рыцарства достали,
За вѣру Христіанськую одностойно стали!»
То Эсаулы у города ся засылали,
По улицамъ пробѣгали,

На винники, на лавники, словами промовляли:
«Вы грубники, вы лавчики,
Вы броварники, вы вишники:
Годѣ, вамъ у винникахъ горѣлокъ курити,
По броварнихъ пивъ варити,
По лавняхъ лавень тонити,
По грубамъ валятися, —
Товстимъ видомъ мухъ годовати,

Сажн вытерати;

Ходите за ними на долину Черкень погуляти!»
Скоро то до города Черкасѣ, у Божій часъ пробували.
То правда Панове, була въ городѣ Черкасѣ вдова,
Вона по мужу Грицька,
По прованцю Коповчиха:
Мала собі сына Ивася
30. Удовиченка, Коповченка,

Изъ малыхъ лѣтъ годовала, лѣтвала,
До сѣросту въ наймы не пускала,
При старости лѣтъ славы да памяти прожити сподѣвала.
То Ивасъ Коповченко по базару похожае,
Солодкій медъ, вино пѣдбивае:
Козацькій гласъ зачувае,

- До вдови прибѣгае, словами промовляе:
«Мати моя, мати, удова, старая жѣно!
Когда бы, мати, чотыре волы половыи,
40. А три чабаньи позаймала
До города Крылова отогнала,
До жида Орендара, ще пятьдесятъ золотыхъ,
Готовыми грѣшными доплатила, —
Кони мнѣ на славу козацькую купила:
Що моя дуна козацькая, молодецькая, дуже возлюбила.»
«Сыну мой Ивасю, Удовиченку, Коловченку!
Волися тыми волами хлѣбъ пахати,
Козакѣвъ на хлѣбъ, на соль затыгати,
Будуть тебе Козаки и безъ рыцарства знати.»
40. «Хочь я, каже, буду, мати, козакѣвъ на хлѣбъ, на соль
затыгати,
Будуть мнѣ козаки, прозваніе прокладати:
Грѣхосъемъ, полежжамъ называти;
Не хочеться мнѣ, мати, по ромъ споткати,
За плугомъ спины ломати,
Жовтого сафьяну коляти,
Червоного едсману циломъ набивати;
Хочеться, мати, пойти, на долину Черкень погуляти,
Звычай козацького набрати,
Славы рыцарства достати,
70. За вѣру Христїанску одностойно стати.»
Скоро то ся удова, тое зачувала:
Великое пересердіе мала,
Всю зброю козацькую собирала,
У комнату замыкала,
Сабли булатныи,
Пищала семнадцати —
На стѣнъ забувала.
Звонъ зачувала,
До Божого дому, до церкви отхожала.....

80. То Ивасъ Удовиченко отъ сна прочинае,
По свѣтлицѣ поглядае:
Що зброи козацькой у свѣтлицѣ на масе, —
Вѣнъ саблю булатную у руки бере,
Пищаль семнадцати на плече кладе,
За вѣйскомъ пѣшкомъ иде.....
Вѣйско иде, якъ бжолка гуде.
Вдова старал изъ цѣрки, Божого дому, выступала,
По мѣжду вѣйскомъ поглядала,
Ивася выглядала:
90. Сына своего, предлюбезного, въ лице не познала.
До господы прибувала; по зброи козацькой познала.
Що Ивася у господѣ не застала.....
Лаяла, проклянула,
До небесъ руки съдѣймала:
«Господи милосердый! бодай моего сына,
На первѣй потребѣ, первая куля не минула.»
Зновъ отъ великого сердца отхожала,
Обѣдати не съдала,
У загороду вхожала, словами промовляла:
100. «Господи милосердый, будь мене, ты слова,
Старую на постели споткати,
Що я на своего сына Ивася нарекала.»
Тогда чотыре волы половыи, а три чабаньи
До города Крылова, до Жида Орендара,
Ще пятьдесятъ золотыхъ готовыми грѣшными доплатила, —
Кони на славу козацькую купила,
Що его дуна козацькая, молодецькая, дуже возлюбила.
А ще козака съовстрѣчала:
Три копы (*) и коня до рукъ довала,
110. Вѣрнымъ другомъ называла:
«Ей козаче, козаче, вѣрный друже!

(*) Копѣ, числительная монета, нынѣ составляетъ 50 копѣекъ; три копы, въ старину были большіи деньги.

Ты моего сына насдогонишь,
 Да его чѣловѣкомъ постановишь;
 Нехай мой сынъ, Ивасъ Коновченко,
 Степу погами не смѣрае,
 Живота не вривае:
 Матери старенькой не лае,
 Не проклинае.

Козакъ три копы и коня дорого взявъ,
 120. За городомъ Браиловымъ, у шести миль, войско догнавъ;

Между войскомъ выѣжае,
 Между войскомъ поглядаетъ:

Ивася Коновченка у лица испознае.
 Скоро Ивасъ Коновченко коня взрываетъ,
 Барзо обомлываетъ:
 До коня пробуваетъ —
 За поводы хапаетъ:

«Я-же, каже, думавъ мене моя мати лае да проклинае,
 Аже вона обо мнѣ стараніе лае.

130. Колибъ мнѣ Богъ да помогъ сією дорогою у потребу
 сходити,

Не пошлабъ моя мати,
 По чужимъ дворамъ спотикати,
 Хлѣба да соли позичати:
 Могъ бы ия при соли до вѣку содержати.
 То скоро Ивасъ Коновченко на коня сѣдае.
 По межъ козаками повертае,
 Яко бы ясный соколъ летаетъ.

Тогда козаки, одинъ на одинъ взглядами,
 Словами промовляли:

140. «Дибонъ Ивасъ удовиченко, Коновченко,
 При своемъ отцеві сѣрость мавъ,
 Доброго коня не видавъ,
 Ледва на своему господарствѣ дождавъ.»
 То третьяго дня безбожнми бусурманы,

Филоненка, Корсунскаго Полковника, кругомъ остуцали;
 Но ни одинъ козакъ не обобрався,
 Ни старый, ни младый на долину Черкень погуляти.
 Только Ивасъ Коновченко сердца козацкаго певнимае,
 Коня на поводъ ведетъ,
 150. Слычокъ подъ рукою несетъ
 Унаметъ вступае:

Пану Филоненку, Корсунскому Полковнику, челомъ давае,
 На здоровье пытае:
 «Пане Филоненку, Корсунскій Полковнику, батьку ко-
 зацкій!

Благослови ты мнѣ, на долину Черкень погуляти,
 Славы войску рыцарства достати,
 За вѣру Христїанскую одностойно стати.»

«Ой Ивасю, Удовиченку, Коновченку!

Ще ты дѣтя молодое,
 Съ розуму недойшло, звычайю козацкаго не знаешь,

160. Не знатимешь якъ бы по-межъ козаками исправити,
 Якъ бы съ безбожнми бусурманами погуляти;
 Еще у мене обберетси старѣйшій козакъ,
 На долину Черкень погуляти.»

«Ты Филоненку, батьку нашъ козацкій!

Возьми ты утя старое,

Другое малое,

Пусти ты на Чорне море:

Когда такъ nebude гуляти и малое

Якъ бы и старое;

170. Когда я не буду гуляти такъ козакъ младый
 Якъ бы и старый.»

Скоро Филоненко тос зачувавъ,
 Ивасю Коновченку на долину Черкень гуляти дозволиа.
 То Ивасъ изъ намету выступае:

До коня пробуваетъ,

Великую радость лае;

Покрѣпче подаруги подтягае,
Червоныи тмыти подъ сребромъ, подъ златомъ на себе
надывасъ,

180. По между войскомъ повертае,
Яко бы ясный соколъ летаетъ;
Старого козака совстрѣчае —
За родного батька поважае,
Молодого совстрѣчае за родного брата почитае.

Богъ ему да помогъ. За таборъ выезжавъ
Первого рыцаря встрѣчавъ —
Челомъ давъ: съ плечъ голову снывъ;
Другого совстрѣчавъ —
И тому такой отвѣтъ подаровавъ.

То правда, панове, не богацько Коновченко, по долини
Черкень погулявъ,

190. Самыхъ найстаршихъ пятьсотъ чѣловѣкъ, рыцарей,
подъ мечъ пускавъ,

Шести живьемъ поймавъ,

На арканъ связавъ

Передъ Филоненка, Корсунского Полковника, языка при-
мчавъ,

Передъ посажавъ.

Самъ Филоненко изъ намету выступаетъ,

На тыхъ Бусурманъ помядае;

«Ай спасибѣ, каже, Ивасю Коновченку!

И казавъ ты дитя молодое,

Съ розумомъ недѣйшло,

200. Звычайо козацького не знаешь:

А-же ты, бачу, за плутомъ похожавъ;

Вен звычай козацькѣи собиравъ.»

«Тымъ бо я, батьку, тебе обдыляю,

Що у себе прежь (*) ясный мечъ, прежь мачино порожденіе маю.

(*) Многія Польскія слова, какковы *барзо* — очей, *штыри* — четыре,

Дай минѣ батьку оковиты, горѣлки, налитись,
Не зарѣкаюсь безбожныхъ бусурманъ бѣльше побити.»

«Ой Ивасю Коновченку! ще ты дитя молодое,

Будешь ты хмель уживати,

Будешь передъ менѣ Пана молодого

210. На долини Черкень голову козацькую покладати.»

«Не буде минѣ, батьку, сей хмель ничѣго зачепати,

Лучше буде сердцю смѣлости подавати.»

Скоро се Филоненко, тое зачувавъ,

Ивасю Коновченку оковиты, горѣлки, налитись дозволяе.

То Ивасъ у наметъ вступае,

На скамѣ землѣный, широзлатый кубокъ взявъ;

Цѣновану пляшку выймавъ —

Шрубокъ къ отшрубовавъ,

Оковиты — горѣлки наливавъ:

220. Напився якъ бы могъ на коня съсѣдати.

По между войскомъ повертае;

Доброму кошо натиски налягае,

По между войскомъ проѣзжае:

Старого козака совстрѣчае —

Гордымъ словомъ сневажае;

Молодого совстрѣчае — о прощаніе не пріймасъ,

Стременемъ о грудь поторкае.....

То Богъ ему не помогъ. За таборъ выезжавъ:

То безбожныхъ бусурманъ, чи языка поймали,

230. Чи нашего чоловѣка познали —

За таборъ четверть мили отбавляли:

Молодого Коновченка постреляли,

Порубали, съ коня сбивали, —

Все поле изгоняли,

Коня козацького не поймали.

прежь — чрезъ, употребляются только въ древнихъ думахъ и въ Малороссіи вовсе народу неизвѣстны.

То у недѣлю, у полуднюю годину,
Самъ Филоненко, Корсунскій Полковникъ,

Изъ намету выступаетъ,

На таборъ поглядае:

240. Що кѡнь козацкій цолемъ гуляе,

Вѡнъ до козакѡвъ промовляе:

«Ей Козаки, Панове молодци! добре дбайте,

Кости да карты покидайте,

Помежъ собою, восѣмъ тысячъ, войска на выбѡръ выби-
райте:

Штыри тысячн, по тѣло посылайте,

А штыри тысячн, коня козацкаго поймайтъ посылайте;

Бо уже кѡнь козацкій, не дурно по табору гулле:

Се конечно, Ивася Удовиченка, на сѣмъ свѣтѣ не має.»

Тогдѣ козаки, якъ дѣти добре дбали:

250. Кости да карты покидали,

По мѣжъ собою, восѣмъ тысячъ, вѡйска на выбѡръ выби-
рали,

Штыри тысячн, тѣло козацкое снисходили

У червоную китайку вложили;

А штыри тысячн, коня козацкаго поймали —

На избочъ поставили.....

То правда, Панове, не богато, Ивася Удовиченко, Ковов-
ченко,

Па долинь Черкенъ гуляе:

Хочя у самому хмелю бувавъ,

Ще триста пятьдесятъ чѡловѣкъ на вѣкъ порубавъ.

260. Тогдѣ козаки саблями да надѡлками суходѡль копали,

Шапками да приполами персть послали, —

Высоку могилу высыпали;

Славу Козацкую учинили:

У головонькахъ червонный прапоръ поставили, (*)

(*) Этотъ обычай и по-сю-пору существуетъ въ Малороссіи, надъ мо-
гилами козакѡвъ и паробковъ, въ крестъ утверждають не большое знамя.

Изъ семипядныхъ пищалей прозвонили.....

То у Суботу на недѣлю, приснится удовъ сонъ, барзо ди-
вненько, вѣнъ на причудъ.....

То вона отъ сна прочинала,

На базаръ выходжала,

Которы стары жоны то мужи советрѣчала

270. Свѡй сонъ повѣдала.....

Хочъ старыя жоны да мужи сей сонъ добре знали —

Удовъ правды не сказали:

«Ты удово, старая жоно, не плачь, не журися,

Бо вже твоѡ сынъ Ивасъ подружився:

Понявъ собъ дѣвку, Туркеню, чужеземку,

У зеленон сукнѣ, съ бѣлыми басанами:

Бѡгъ ему да помогъ, гораздъ живе —

Подати не дае, хлѣба не присѣвае,

Никт-ось его не зачѣпае.»

280. Тогдѣ удова до господы пробувала, словами промовляла:

«Хвалю тебе, Господи, и благодарю!

Хочя мѡй сынъ, буде по вѡйскамъ ходити:

Буде минѣ съ кымъ, у господѣ слово стговорити,

Съ невѣсткою тугу раздѣлити.»

То по Суботѣ, третьяго дня, Филоненко, Корсунскій Пол-

ковникъ,

До города Черкасъ со всѣмъ вѡйскомъ появився.

Скоро то старая удова то зачувала

Вѣликую радость мала:

Цеберъ меду, кинву горѣлки наточила у брамы стала,

290. Старого козака и молодого о своемъ сынѣ пытала.

Первая сотня и другая наступаетъ, вдова сына не выдаетъ,

Третья сотня подѣ полковою корогею,

По переду хорунжій идѣ, —

Удовиного коня за повѡдъ гостинца веде.

То удова, старая жоно, коня узрѣла,

Вся обомляла:

Ударится крижемъ о сырую землю,

Дала, проклинала, до небесъ руки съдѣймала:

«Ой Филоненку! бодай ты собѣ, ни доли, ни счастья не
мавь!»

300. Якъ ты моего сына, изъ между войска, якъ мызинный па-
лець потерявъ!...»

То самъ Филоненко, Корсунскій Полковникъ,

Съ копя вставъ, вдову пѣдъ пласчи взявъ:

«Стѣй удово, старая жена! не плачь, не журиси,

Мене Пана молодого не лай, не проклинай:

Бо я твоего сына на геречь гуляти не выславъ, —

Вѣнъ самъ охоту козацькую мавъ.»

Тогдѣ удова не убога си мала,

Три сотни войска у свѣй домъ закликала:

«О теперя козаки, Панове молодци, пійте да гуляйте,

Разомъ похоронъ и вѣсѣлья отправляйте!»

310. Тогдѣ козаки пили да гуляли,

Изъ семнадцатыхъ пицалей гремали,

Славу козацьку выславляли:

За разѣмъ похоронъ и вѣсѣлья отправляли.

Правда, Панове, полягла Ивася Коновченка,

На долинѣ Черкенѣ голова.

Слава не умре не поляже:

Буде слава славна —

По межъ Козаками,

По межъ друзьими, —

По межъ Рыцарями,

По межъ добрыми молодцами.

Утверди Боже: люду Царьского,

Народу Християньского,

Войска Запорожского, Донского,

Съ сією Чернью Днѣпровною,

Низовою:

На многія лѣта,

До конца вѣка.

ШВАЧКА.

Первыя восемь строкъ этой думы, есть, по преданію, сочиненія Хмѣльницкаго. О «Рыцарѣ» этой думы, какъ и о слѣдующихъ трехъ, мы ничего не знаемъ. Въ здѣшней, какъ видно, соединены двѣ различныя пѣсни — онѣ имѣютъ даже особенные голоса.

9.

Зажурилась Украина:

Шо нигде прожити, —

Вытоптали Орда кѣньми

Маленькіи дѣти!

Да не такъ вона вытоптала,

А якъ вырубала;

Которыхъ не рубала:

Тыхъ въ полонъ забрала.

Ой не есть то козакъ Швачка,
 Що загнавъ Ляховъ
 Въ Бѣлу Церковъ,
 Въ стѣйло!

Ступивъ Ляшокъ, на порожокъ,
 Шаблею стискае:
 Козакъ Ляха не боится —
 Шанки не спимае.

Кинувъ Ляшокъ до канчука,
 А козакъ до дрюка:
 «Отъ-се тобъ, сыну вражій!
 Съ душею розлука!»

Прим. Канчукъ — нагайка, дрюкъ, по Сл. дреколѣ, колъ.

ГОЛОТА.

=

40.

Да на Савуръ могилъ, гулявъ козаченько, гулявъ,
 Да не якого дива не видавъ:

«Ой долино-Ялино! скѣлько я на тобъ гулявъ,
 Да не якого дива не видавъ!»

.....

Ой на полъ на Килиньскѣмъ,

На шляху на Ордынскѣмъ:

То не ясный соколъ лѣтае, —

То козакъ Голота, сердечный, добрымъ конемъ гуле;

Ой ставъ Татаринъ къ нему прѣзжати,

Порошку на полку посыпати,

Сердечного козака Голоту сѣче да рубае,

Голота нагайкою стрѣлы отбивае:

«Ей ты, Татарюго, сѣдый, бородатый,

На що ты уповаешъ?

Чи на свою шанку бирку,

Шо шовкомъ шита,

Вѣтромъ подбита, —

А сверху дирка?

Чи на свои постолы бобрѣвы,

Шо шовковы волоки —

Въ одну сталь

Съ валау?

Чи на свою сермягу семилатную?

Ей старый, бородастый, да кому Богъ поможе.....»

.....
(Козакъ беретъ въ плавни Татарина, и приводитъ на веревкѣ въ таборъ войсковою къ своему начальнику).

«Ой ты Савуръ могило! скѣлько я гулявъ,
Да такой добычи не добувавъ!»

Прим. *Шапка бирка* — шапка съ овечьихъ смушекъ; *шобкѣ* — шелкъ; *постолы* — кожаные сандалии; *волоки* — ремни для скрѣпленія постолъ; *валъ* — пакля.

ЛЕВЕНЕЦЪ.

II.

Ой Левенче, Левченоньку!

Ты удовинъ сыну да козаченьку!

Вже-жъ на тебе, всѣ Паны встали изъ израдою

Хотять уловити громадою:

«Ой я-жъ бо ихъ да не боюся,

Я не молодъ козакъ, выслужуся:

За два кони вороньи,

За двѣ саблѣ золотыи!»

Погодивши да не забаривши,

Да ведутъ Левенця уловивши,

Ведутъ его да улицею,

Съвязали руки сырицею.

За нимъ идетъ: неська старенька,

Сестра рѣдненька;

«Чи я-жъ тобѣ, сыну, да не казала:

Чи я-жъ тобѣ, брате, не говорила:

Що не рубай лѣса Лебедина,

Вырубавши да съвомочивши да запиливши.»

.....
Ой пошовъ Левенець затуживши

Пошовъ жъ вѣнъ да по нѣдъ лугомъ

Да поддираючись тугимъ лукомъ;

Пришовъ же вѣнъ да до крипици

До холодной да до водици:

Ой столтъ кони да полутаны, повьючены,

Воны отъ Левенця не утечены!

Лежать Паны да порубаны, помучены,

Воны отъ Левенця не утечены!

Прим. *Громада*, — гурьба, толпа; *израда* — вѣроломство; *забарити* — медлить; *сырица* — сыромятный ремень, кожа; *крипица* (Греч. *Κρήνη*) источникъ; *неутеченый* — неуходимый.

АВРАМЕНКО.

=

12.

Да була собі бѣда вдова,
Да три собі сына мала,
Да ни одного у велику
Дороженьку не пускала:
«Охъ, не їдь, сынку, да не їдь Климку,
У великую дорогу:
Пересїдь, сынку, сей день середу,
У господь со мною!»
«Охъ, радъ бы я, моя мати,
Середу сьгуляти:
Що пють козаки у таборъ —
Мене мати не видати.»
Ой у городъ у Отобуръ
Да двѣ квітки вьетя:
Що пѣдъ городомъ Отобуромъ
Тамъ Овраменко бьется;
Ой у городъ да у Отобуръ
Да двѣ квітки сьвито:
А пѣдъ городомъ, пѣдъ Отобуромъ
Тамъ Овраменка убито.
Да не було у него грошей много,

А тѣлько жупанъ синій,
Да и то поважився прескурвый сынъ Турчинъ:
Що вѣнъ козакъ уродливый.

Прим. *Грошы* — деньги; *прескурвый* — бездѣльникъ. Последніе четыре стихи довольно забавныс.

=====

ЖЕЛѢЗНЯКЪ.

=

Около 1770 г. и слѣдующихъ, когда Поляки угнетали Малороссійскихъ козаковъ, въ нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губерніяхъ, желая обратить ихъ въ холоповъ; когда не менѣе ихъ, Уніаты, заставляли народъ отрекаться отъ Православія — часть смѣлыхъ и отчаянныхъ Запорожцевъ, вздумали освободить эту часть Малороссіи отъ ига Польши. Должно было сражаться противъ всей Польской аристократіи, къ нимъ присоединились еще уцѣлѣвшіе тогда отчасти Малороссійскіе козаки, правой стороны Днѣпра, какъ-то: Жаботинскій сотникъ Мартынъ Бѣлуга, Смѣльскій Шило, Уманскій Гонта. Всѣ они погибли. Съ послѣдняго Поляки:

Черезъ сѣмъ дней съ его кожу по поясъ сдирали,
И голову облущили, солью насоли.....

Укр. нар. пѣсни изд. Макс. стр. 126.

13.

Максимъ Желѣзнякъ,
Славный козакъ,
Изъ славнаго Запорозья,
Якъ вѣйде на Украину — якъ повнал рожа (*).

Максима Желѣзняче!
Ты славный козаче:
За тобою Желѣзняче
Вся Украина (**) плаче.

Славный козакъ,
Максимъ Желѣзнякъ:
Славнаго дивидла —
Не буде на Украинѣ, ни Ляха, ни Жида!

Тѣлькѣ гяне,
То все гяне.....
Максимъ Желѣзнякъ,
Славныхъ козакѣвъ — вѣйско собирае:
!.....
Ой роснуствѣ вѣйско по всей Украинѣ,
Да не може собрати..... (***)

(*) Роза.

(**) Правой стороны Днѣпра.

(***) Какъ видно, эта дума утеряна. Въ другомъ собранн Максимовича, послѣ вѣстїа Умани говорится:

«И говорить Максимъ Желѣзнякъ, сидячи въ неволѣ:
Не будуть мати вражи Ляхи на Украинѣ воли:
Течуть рѣки изъ всего свѣту до Чорнаго моря:
Мивулася на Украинѣ Жидовская воли!»

ГРИЦЬ.

=

14.

Да встань, батьку,
Да встань, Грицю,
Кличуть тебе люде:
«Ой якъ пойдешъ на столицю —
По старому буде;
Ой якъ пойдешъ на столицю —
Попросить Царицю:
Чи не отдасть нашихъ земель, —
Клейноты не верне!.....»
«Не на тее, милы братѣ,
Свѣчь атаквала,
Щобъ Царица наши земли,
Клейноты вертала.»
Тече рѣчка, невеличка —
Пѣдмывае кручи:
Ой заплакавъ Пань Кошевий
Вѣтъ Царица йдучи.
У Суботу изъ вѣчора,
Москаль паступае,
А въ недѣлю пѣдъ обвѣдь,
Лагеръ розбивае.
Хѣдитъ Москаль по курени,

Запасъ отбирае ;

.....

Брали сребро, брали злато,
Восковыи свѣчи :

«Оставайся, Панъ Кошевий,
Съ писаремъ на свѣчи.»

«Благослови, Отомане,
На гаубвахтѣ стати :

Москаль стане съ саблями,
А мы съ кулаками :

Нехай наша слава буде,
Про межъ Козаками!»

ЛѢСЪ ЧУТА.

15.

Славная Чутá товстими дубами:
Ще славнѣша Чутá, Низомъ, козаками!
Що козаченьки завжде пробувають,
Изъ Лѣтської области — собѣ добычѣ мають.
Що драли Ляховъ, драли обдирали,
Де бувъ Жидъ богатый и того не минали.
Драли гайдамаки, вѣтъ Панской ласки,

Драли кармазины, самы поносили,
Драли оксамиты, шили шаравары.
Якъ загнали Ляховъ въ Кальныи болота,
Брали много сребра и злата,
Да загнали Ляховъ до лѣса до Чуты:
Ой тамъ Ляшенькамъ отпоръ дали:
«Памятайте, Ляхи, де козацькѣи шляхи,
Да насъ не забувайтеся,
Ще насъ сподѣвайтесь!»

КАЛНАШЪ.

16.

«Славный свѣтъ, наша матушка:
На що напустъ напустила,
На що наше войско,
Славне Запорожьське,
Ты такъ разорила?.....
«Не хотѣла я-жь, славны Запорожьци,
Ать такъ разорити,
А послала Москаликѣвъ,
Щобъ васъ припинати.»
«Великъ свѣтъ, наша Матушка,

Пойдемъ Хану служить :
 А нежь мы маемъ Князьямъ, Генераламъ,
 Вашиемъ грубы топить.»
 Похилилися все до купочки,
 Калитовы вѣти :
 Заплакали славны Запорожцы,
 Якъ по матери дѣти.
 Собиралися ты двѣ дивизіи,
 У Свѣч у Новый Базаръ,
 Ходить нашъ Калитанъ Кошевой
 И головочку свѣзаеъ.
 И ударили та на столиці
 Изъ новой ружници :
 «Вы кидайте, славны Запорожцы,
 Пистолеты и ружници.»
 Ой ударили изъ столиці,
 Изъ новой пушки :
 «Утекайте, славны Запорожцы,
 Не то конями и пѣшки !
 Ой кругомъ церкви Свѣчевой,
 Караулы стали :
 Священнику отцу Владимиру,
 Служити не дали.
 Тече рѣчка невеличка,
 Подмивае кручи :
 Заплакали славны Запорожцы,
 Отъ свѣчи идучи.
 Летѣла бомба отъ Черного моря,
 Да середь Свѣчи впаде :
 Хочь пропали Запорожцы,
 Да не пропала ихъ слава !»

Слѣдующія двѣ думы извѣстны, но здѣсь онѣ предлагаются какъ варианты, имѣя каждая прекрасныя мѣста, которыхъ въ прежнихъ не находится; вторая изъ нихъ есть дума извѣстная въ нашихъ собраніяхъ пѣсней, подъ именемъ: бури на Черномъ морѣ; я имѣю объ ней другой вариантъ, въ нѣсколько сотъ стиховъ и не менѣе огромный: о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова; но къ сожалѣнію теперь не находится онѣ подъ рукою, быть можетъ, со временемъ издамъ ихъ.

17.

У недѣлю рано, берзо рано, не у вси звоны зазвонено:
 Якъ у крайнимъ домѣ говорено;
 Отець и мати въ чужую сторону
 Сына выпровожили, словами промовляли :
 «Иди-жь, ты сыну, межъ чужими люде,
 Чи не лучше тобѣ буде ?
 «Не хотѣлось бы мнѣ мати,
 Въ чужій сторону пробувати,
 Будуть мене, мати, пришеньцемъ называти.»
 Сестра старша коня веде,
 Середульша сестра зброю несе,
 Шо найменьша сестра — брата выпровожае, словами про-
 мовляе :
 Воткѣль тебе, брате, выглядати :
 Чи съ буйной войны,
 Чи съ чистого поля,
 А чи съ людославного Запорожья ?»
 «Не выглядай мене, сестро :
 Ни съ буйной войны,
 Ни съ чистого поля,
 Ни съ людославного Запорожья ;

Возьми, сестро, жовтого пѣску жменю,
 Посій на бѣлому камені,
 Ветавай, сестро, ранесенько,
 Поливай жовтій песокъ частесенько,
 Ранними вечерними зорями:
 Чи своїми дробними слезами.....
 Ой коли, сестро, о Петра, рѣки замерзали,
 О Роздвѣ, калина въ лузѣ — бѣлымъ цвѣтомъ процвѣтала,
 Объ Василя, ягоди изрожали;
 Жовтій песокъ по бѣлому каменю исходивъ
 Синимъ цвѣтомъ процвѣтавъ,
 Хрещатымъ барвенкомъ у чотыри ряды устилавъ?»
 Промовить сестра словами,
 Обольється горько слезами:
 «Якова я, брате, стала,
 Що я отъ старыхъ людей не чувала:
 Що о Петра, рѣки замерзали,
 О Роздвѣ, въ лузѣ калина бѣлымъ цвѣтомъ процвѣтала,
 Объ Василя, ягоди изрожали,
 Жовтій песокъ на бѣломъ камені исходивъ,
 Синимъ цвѣтомъ процвѣтавъ,
 Хрещатымъ барвенкомъ у чотыри ряды устилавъ.»
 «Чи ще то, сестро, сему не догадаєшься:
 Що о Петра, рѣкамъ не замерзати,
 О роздвѣ, калинѣ у лузѣ бѣлымъ цвѣтомъ не процвѣтати,
 Объ Василя, не изрожати,
 Жовтому песку по бѣлому камені не сходити,
 Синимъ цвѣтомъ не процвѣтати,
 Хрещатымъ барвенкомъ у чотыри ряды не устилати:
 Уже минѣ, сестро, вашимъ гостемъ не бувати.»
 Промовить сестра, словами,
 Обольється горько слезами:
 «Добро, каже, брате, на чужинѣ пробувати,
 Въ кармазинахъ похожати:

Будуть тебе, брате, кумы, побратими знати;
 А пришибе тебе на чужій сторонѣ — злая година,
 Лиха хуртовина, —
 Отцурається тебе, брате, вся названная родина...»
 На святого Духа, люде изъ церкви идуть,
 Якъ бжолы гудуть;
 Пола съ помою мелькается;
 Побратимъ съ побратимомъ на здоровье пытається...
 Охъ, якъ то трудно звѣрю, птицѣ,
 Безъ поля, безъ дубровы:
 То такъ трудно шуць рыбѣ на суходолѣ;
 Охъ, якъ то трудно съ сырой земли
 Важкій камень снѣгати:
 То такъ трудно на чужинѣ, безъ отца, безъ матки, поме-
 рати:
 Для себе сердечной родины не мати!....

18.

На синѣмъ морѣ, на бѣлому камені,
 Тамъ сидить ясенъ соколъ бѣлозерецъ,
 Жалобненько квилить, проквилле,
 На свитѣ небо поглядає:
 Половина солнца и мѣсяца
 У тьму потмарило,
 Уже во тьму уступило...
 Що не разомъ на морѣ починало,
 Козацькіи суда на три части розбивало:
 10. Перву часть отбивало —
 Въ тихій Дунай замчало;
 Другу часть отбивало —
 Въ Агарянську землю запосило;

- А третю часть отбивало —
Середь моря затопляло.
- У сей части затопляло, два брата родненькихъ:
Якъ голубенькѣвъ сивенькихъ.
- И между ними третья; чужа-чуженица,
Безродный и безплеменный!
20. Тому ни съ кѣмъ прощанья принять,
На чужинѣ порятунку дати!.....
Тѣлькѣ старшій братъ, промовить словами,
Обольется горько слезами:
«Се, брате, не сопротивна хвиля затопляло:
А отцева, паниматчина молитва карае,
Що мы у охотче вѣйско выржались:
У отца и матки прощенія не прохали,
Старшого брата не сважали,
Средульшу сестру, не читали и не поважали,
30. Ближнему сосѣду, хлѣба-соли сбавляли;
Противъ церкви провздили: сличокъ съ главъ не-
сднемали,
Милосердного Творця — на помощь не прохали,
Старыхъ людей марно сневажали.
А по тымъ, мы, счастье и долю утерали,
Се, брате, коли бѣ отцева молитва и паниматчина:
Изъ супротивной хвилы вызволяти,
Могли бѣ мы, брате, отцеву молитву и паниматчину
выхваляти,
И старшого брата за родного отца мати,
Средульшу сестру читати и поважати,
40. Ближняго сосѣда за родного брата мати.»
Тѣлькѣ стали отцеву молитву и паниматчину выхваляти,
Ставъ ихъ Господь на Русь вызволяти,
Стали близько къ бережку припливати
И ручейками за бѣлый камень хадати,

- На берегъ выступати:
На край веселый,
Межь народъ хрещеный;
До огня до паниматки прибувати;
Противъ сынѣвъ отецъ, матеръ, выходили:
50. «Эй чи добре, сыны, въ дорогѣ починалось?»
«Добре, Паньотче и Паниматко, на синѣмъ морѣ гу-
ляти,
Тѣлькѣ не добре, чужему чуженицѣ на чужинѣ поме-
рати
Тому ни съ кѣмъ прощанья принять, —
На чужинѣ порятунку дати.»
Счастливый той, Панове молодци,
Чѣловѣкъ на свѣтъ буває,
Который чтить отца и пеньку поважае:
Отцева молитва и Паниматчина
И изъ супротивной хвилы вызволяе.

Прим. Порятункѣ (Шѣм. Retten, спасать.) помощь, пособіе. Хвила (ст. свила) волна. Слика — шапка. Сиверные берега Чернаго моря, называются въ думахъ Русскими.

ПЛАЧЪ НЕВОЛЬНИКА.

19.

«Поклоняется бѣдный невольникъ:

Изъ земли Турецкой, изъ вѣры Бусурманской
У города Христіанскіи — до отца, до матуся,
Що не можетъ вѣнъ имъ поклонитися, —
Тѣлько поклоняется голубенькомъ сивенькимъ:
Ой ты голубенько сивенькій!
Ты далеко летасшь, ты далеко бувасшь;
Полеи ты въ города Христіанскіи:
До отца моего, до матуся,
Садь, нади, на подворьѣ отцовскѣмъ,
Жалобненько загуди:
Объ моеи пригодѣ козацкой припомини;
Нехай отецъ и матуся,
Мою пригоду козацкую знаютъ, —
Статки, маетки, сбувають,
Велики скарбы собирають —
Головоньку козацкую изъ тяжкой неволи вызволяютъ!
Бо якъ стане Чорнее море согрѣвати:
То не знатъ-име отецъ, либонь матеръ,
У которой каторзѣ шукати;
Чи у пристанѣ Козловской,
Чи у городѣ Царь-градѣ на базарѣ;

Будуть Ушкалы, Турки, Янычаре набѣгати,
За Червоное море у Орабьскую землю запродати,
Будуть за нихъ серебро, злато, не личачи,
Сукна дороги, поставами не мѣрячи,
За нихъ брати.
Тогдѣ далася бѣдному невольнику,
Тяжкая неволя добре знати:
Кайданы руки, ноги посѣждали,
Сырая сыриця до жовтой кости
Тѣло козацкое пробѣдала....»
То бѣдныи невольники, на кровь, на тѣло поглядали,
Объ вѣрѣ Христіанскій гадали,
Землю Турецкую, вѣру Бусурманскую проклинали:
«Ты земле Турецкая, вѣро Бусурманская,
Ты есь наполнена серебромъ, златомъ
И дорогими напитками:
Тѣлько-же бѣдному невольнику на свѣтъ невѣдно,
Что бѣдный невольникъ у тебѣ пробуваеать:
Праздника Рождества, будь-ли Воскресенія не знаеать;
Все у неволь проклятой, на каторзѣ Турецкой,
Па Чорнѣмъ морѣ пробувають,
Землю Турецкую, вѣру Бусурманскую прокли-
нають:
«Ты земле Турецка, вѣро Бусурманская,
Ты розлуко Христіанска!
Уже бо ты розлучило, не единого за сѣмь лѣтъ войною:
Мужа съ женою, брата съ сестрою,
Дѣтокъ маленькихъ съ отцемъ и маткою.
Вызволь Боже бѣдного неволька:
На Свято-Рускій берѣгъ,
На край веселый, межъ народъ хрещеный....»

Прим. Червоное море — Чермное море; каторга — гребное судно; шукати (Нѣм. Suchen) искать; личачи (Сл.) считать; сыриця — сталь.

Одинъ Польскій писатель XVII вѣка, говоритъ, что въ Европейской Турціи, въ это время, находилось до 150,000 тысячъ человекъ изъ южной Руси въ невольничествѣ, не говоря объ Анатоліи.

КАЛНАШЪ.

=

20.

Славно було Запорожье вѣсми сторонами,
 А теперя нельзя прожити за Москалями.
 «Стержися, Калнашенко, вѣтъ чистого ставу:
 Бо втернешь Запорожье и козацку славу....»
 Не стерѣся Калнашенко вѣтъ Чорного моря:
 Уже ему въ Петербурѣ шестый годъ неволи.
 Зруйновали Запорожье, забрали и свѣчи:
 «Оставайся, Панъ Кошевий, съ писаремъ на Свѣци.»
 Зруйновали Запорожье, забрали и клейноты;
 Наробили сьромахамъ великой скорботы!
 Наступала чорна хмара, ставъ дощъ наступати,
 Стали наши Запорожци подъ Турка втекати,
 Подписалось сорокъ тысячъ подъ Турчиномъ жити:
 Присягали Турчинови якъ Москаля бити!....

ПѢСНИ.

=

1.

Хто не пивъ воды да Дунайскою,
 Той не вѣвъ кашу козацкою!
 Гомонѣть, гомонѣть по дубровѣ,
 Туманъ полс покрывае,
 Мати сына навчае:
 «Да не журь мене, моя да стара несе:
 Бо я журьбу и самъ знаю, —
 Шлеть мене Гетьмана до Дунаю,
 Да я Дунаю, я самъ не знаю
 Да до Дунаю прѣвзжаю:
 Съ кониченька не вставаю
 Въ пахву шаблю не ховаю,
 Все съ Дунаемъ розмовляю:
 «Ой чомъ-же, ты Дунай, такъ ставъ смутенъ,
 Коломутенъ?
 Ой що-жь Дунай, тебе сбило,
 А чи вороши галочки,
 Чи вороньи да кониченьки,
 Чи молодыи козаченьки?»

 Да ведутъ кони да Гетьманскіи:
 Да не пьютъ воды Дунайскою,

Да не пьють воды, не почивають,
 Все на той бѣкъ да поглядають:
 Де козаченьки конями грають,
 А шабельками повертають.

2.

Охъ, вы галочки, чернопѣрочки
 Да крутую гору крыли:
 Молоды да козаченьки,
 Да жалю начинали.
 «Ой вы галочки, чернопѣрочки,
 Поднимитесь у гору:
 Вы молоды козаченьки,
 Вернитесь до дому:»
 «Ой рады мы да поднятиса,
 Такъ туманъ прилягае:
 Охъ, мы рады да вернутиса,
 Да Гетьманъ не пускае;
 Да не такъ Гетьманъ, якъ Гетьмана мати,
 Хоче нами, козаками, Турка съзоевати.

3.

Ой по морю да по тихому Дунаю,
 Тамъ плавала да была лебедонька
 Съ малепькими лебеденятами.
 Да де се узався сызокрылый орель:
 Ставъ лебѣдку бити, пробивати,
 Стала лебѣдка ему промовляти:
 «Да не бій мене, сызокрылый орле!

Скажю тобѣ все жидности мой:
 Шо у городъ у Коловеръ,
 Тамъ бьется орда, три дни, три годинъ, —
 Текли рѣчки все кровавыи,
 Мостили мосты все тулубами —
 Козацьми все головами!»

4.

Ой летае сизый орель у высокій могилы:
 Засилас гетьманъ листы по всей Украинѣ:
 «Оживите, Украинци, не бѣйтесь никого, —
 Иззоевавъ Москаль Пруса и ще Шведа много.

.....

.....

5.

Во время Семилѣтней войны, тысяча Малороссійскихъ
 Козаковъ, были въ Пруссіи съ Россійскими войсками,
 ввроятно по этому случаю они занесли въ свой край
 слѣдующую солдатскую пѣсню того времени:

Ой у городъ у Кистренъ, а передъ Кистрепскими воротами,
 Тамъ стояла горница малеваная:
 А въ той горницѣ Россійскій Графъ Кюрикгоръ Загаевичъ, (*)
 Онъ на той горницѣ похаживаетъ,
 Да на свою армию поглядываетъ:
 «Таланъ мой, таланъ мой такой,

(*) Чернышевъ.

Служба, службушка Государева!»
 Какъ услышалъ это да Прусскій Король,
 Позвалъ къ себѣ Россійскаго Графа Крриггора Загаевича,
 Онъ сталъ его поить и кормить
 И сталъ его спрашивать:
 «Охъ, ты же, говорить, Россійскій Графъ Крриггоръ Загаевичъ!
 Служилъ ты еси своему Бѣлому Царю,
 Послужишь ты мнѣ Прусскому Королю,
 И вѣрою и правдою,
 Будешь ты у меня, что найстаршой членъ!»
 «Ахъ, ты-же, говорить, Прусскій Король,
 Королевское твоє Величество!
 Да какъ наша Матушка разгнѣвается,
 Да какъ вся армія да поднимется,
 Да какъ наберетъ она молодыхъ солдатъ,
 А что артиллеріи головой не знать!
 Да какъ тѣ солдаты, ломовыя пушки съ собою возьмутъ,
 Твой городъ Клестринъ весь разобьютъ:
 Тебя Короля Прусскаго въ помонъ возмутъ.

6.

Вотъ одна изъ лучшихъ воинскихъ пѣсней, древней Малороссіи: козакъ, обремененный добычею, отсталъ отъ своего войска; будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ неприятелями, онъ ни сколько не унываетъ — одинъ только вѣрный товарищъ — конь его, предастся туги, печали; въ эту критическую минуту, начинается между ними разговоръ, составляющій содержаніе всей этой пѣсни. Голосъ ея превосходный; примѣчательно, что онъ удивительно какъ сходенъ съ извѣстнымъ романсомъ Жуковского: собираются тучи.

Да шумить, гуде, вѣтеръ по дубровѣ,
 Блудить, блудить козаченько по дорозѣ.....
 Пѣдь нимъ вѣронь кониченько нудить
 «Ой чого жь ты да, мой коню, нудниъ,
 Изъ битон дороженьки блудишь?
 Чи я тобѣ да, мой коню, вѣжокъ,
 А чи моя козацкая збруя,
 А чи добыченька моя?.....»
 Ой ты-жь мнѣ да, мой пане, не важокъ:
 А ни твоя козацкая збруя,
 А ни добыченька твоя;
 Ой то-жь мнѣ да, мой пане, важко:
 Що ты будешъ у шинкарки пити,
 А я буду сыру землю бити;
 Що ты будешъ на лѣжку лежати,
 А я буду на хляцѣ стояти!»
 «Не журися, мой коню, вороненькій:
 Будеть оброки — по самы боки,
 Будеть сѣна — по самы колѣна,
 Будешъ въ станѣ на сусѣ стояти.....»
 «Ой ще мнѣ да, мой пане, важко:
 Що изъ бокѣвъ да сторожає,
 А изъ задѣ да поголя идѣ,
 А изъ переду да сустрѣчає.....»
 «Да не журися, мой коню вороненькій:
 Мы сторожу да обмиємо,
 А отъ поголи да утечемо,
 А сустрѣчею да побьсемя!»
 Ой, низомъ-же, мой коню, низомъ!
 Да заросла дороженька хмызомъ,
 Ой ты-жь у мене да конь вороненькій:
 Перескакуй да хмызъ зелененькій!»

Прим. Шинкаръ, ка (Нѣм. Schenken, пить.) трактирицикъ, корчемникъ.
 Хляка — слякоть. Оброкъ — кормъ. Хмызъ — лѣсн. заросль.

7.

Ой у ледьлоньку рано, пораненьку,
 Ой у ледьлю въ ранць,
 Выпровожала матусенька сына
 Да у тых новобранци:
 «Ой вдь, сынку, ой вдь, сыну,
 Ой вдь да не барися,
 Вывдь, сынку, за крутую гору
 Да назадъ вернися!»
 «Ой не швидко, мой-жъ матусенько,
 Назадъ я вернуся:
 Що-сь по́до мною мѡй кѡпъ вороний
 На воротахъ споткнувся.....
 Ой сълетѣвъ пѣвень на новы ворота
 Да сказавъ: какаръку!.....
 Не сподѣвайся, матусенько, сына
 Изъ новобранцѣвъ до вѣку!»

Прим. Пѣвень (По Сл. пѣтель) пѣтухъ; сподѣється — надѣяться.

8.

Гей, изъ усть Днѣпра да до вершины,
 Семьсотъ рѣчокъ и чотыри,
 Да вси вѡны да у Днѣпръ впали,
 У Днѣпръ у правый да несказанный!
 Да повѣйте вѣтры да низовы,
 Да на парусы безводныи
 И на демены малѣваны!
 Ой сидѣтъ козакъ да на демень,
 И вѡнъ деменомъ повертае:
 И на Чорне Морѣ погладае.....

Ой шлыве судно, однимъ одно,
 А въ тому суднѣ Турчинъ сидѣтъ и съ Тур-
 кенею;
 А Туркени сидѣтъ, вона негуляе, —
 Шовковенькій рупничокъ вышивае: (*)
 «Ой кому сей рупникъ буде:
 А чи Турчину, чи Татарину, а чи козакови
 молодому!»
 «Ой се буде (**) да Кошевому да молодому.»

9.

Темная ночка да не видная де будемо почевати?
 Головонько же, моя бѣдная, чи у степь, чи у поле,
 Чи при битый дорозъ?
 Чи у тыехъ дѣвчиноньки,
 Чи у тыехъ рыбчиноньки —
 Шо чорныя брови?.....

10.

Ой у полѣ дымно да дымно,
 За туманомъ и свѣта не видно,
 Ой у полѣ да туманъ, роса:
 Ой тамъ Романъ да волю пасе,
 А дѣвчина да воду нессе.
 Романъ волю покидае

(*) Въ развѣдѣ на Черномъ морѣ, козаки, вѣроятно, плыли на это судно: ой кому сей рупникъ буде, спрашиваетъ козакъ, который сидѣтъ на кормѣ или демень.

(**) Отвѣчаетъ Турчанка.

И дѣвчину переймасъ:
 Съ вѣдеръ воду вывертае.
 «Ой Романо, да Романочку!
 Скажу тобѣ всю правдочку:
 Не выливай съ вѣдеръ воды,
 Буде мене мати бити,
 Да нікому оборонити.»
 «Ты дѣвчино молодая!
 Ты матери знай отгадати:
 Спѣдѣ зеленои грушы,
 Налетѣли сѣрыи гуси,
 Сѣли, пали, на Дунаѣчку,
 Сродотили всю Дунай-воду, —
 Я молодá постояла:
 Пока вода вцелочала!»

11.

Тихій Дунай воду понимае,
 А ще тихше, Дунай воду несѣ,
 Сидить дѣвка, сидить красна,
 Вона русу косу чеше,
 Що начеше, то на Дунай несє:
 Плевить же вы, мои черныи кудри,
 Плевить же вы по тихому Дунаю,
 По тихому Дунаечку,
 Къ моему вѣрненькому другу!»
 На козаку жупанъ голубенькій,
 На козаку поясъ шовковенькій:
 «Прощай, прощай! теперъ мила моя,
 Теперъ же я тебе не боюся —
 Молодѣ козакъ, я ще оженюся;
 Да прищипотъ молоду квѣтку,

Тобѣ мила надвщуть намѣтку.»
 Теперъ же ты, молодой козаче,
 Слѣвѣ съ ума мене бѣдну дѣвчину,
 «Теперъ же я ни дѣвка, ни жѣнка,
 Теперъ мнѣ мандрѣвка на думцѣ!»

*Прим. Намѣтка — головной уборъ, серпанокъ замужнихъ женщинъ;
 мандрѣвка (Нѣм. Wandern, итти.) бѣгство.*

12.

«Да теперъ же ты, мой миленькій,
 У дорогу выряжаешся,
 Да не дай Боже пригодоньки
 Надѣ тобою у дорогѣ.....»
 «Ой я пригодоньки да не боюся,
 Господу Богу дай помолюся:
 Хоть самъ себѣ събавлю — иншу собѣ сѣнайду —
 Тебе не вѣзю.»
 «Я-жѣ, буду плакать
 И молитъ-иму Бога,
 Щобѣ тебе побило
 Де гладка дорога!.....»
 «Тобѣ на Бога не сподѣваться,
 Самый було пошановаться:
 Знать було звычай мой,
 Держать було розумъ свой,
 Тобѣ дѣвчино!»
 «Я-жѣ, ймала розумъ да за тобою утерла,
 Що на твои кары очи уповала.....»
 «Уповала, дѣвчино, да не совсѣмъ,
 Була любима ты усѣмъ.....
 Теперъ же съоставайся,

Съ кѣмъ хочь собѣ знайся:
Бо я не вѣзьму!»

Прим. Шановати (Швм. Schätzen.) почтати, шануватися — испра-
влятися.

13.

«Охъ, израда, черны брови израда!
Чѣму въ тебѣ, зрадо, не вся щира правда?
Пустивъ еси славоныку такую:
Казавъ еси, сердце, що сватати буду, —
А теперя думаешъ, гадаешъ:
Яку собѣ, сердце, другу брати маешъ!
Ой хочь сънайдешь на лице бѣльйшу, —
Такъ не сънайдешь, сердце, на словахъ вѣрййшу.
Ой хочь сънайдешь, съ черными бровами:
Такъ не сънайдешь, сердце, съ вѣрными словами!
Покинь мильй, коня вороного,
Щобъ я не забуду тебе молодого.»
«На що мила, коня покидати,
Коли мене любишь, той такъ не забудешъ.»
Исправь мильй, Черкеське сѣдельце,
Щобъ я не забуду яке твое сердце.»
«На що мила, сѣдло исправляти,
Коли мене любишь, той такъ не забудешъ!»
«Исправь мильй, золоты удила,
Щобъ я твоего коня до воды водила.»
«На що мила, золото теряти —
Будешъ моего коня съ вѣдра наповати.»
«Покинь мильй, ты свой жупаночокъ
Щобъ не забуду якій твой станочокъ.....»
«На що мила, жупанъ покидати,
Коли мене любишь, той такъ не забудешъ.»

14.

«Дугомъ иду, коня веду,
Розвивайся луже!
Сватай мене, козаченько,
Люблю тебе дуже.....
Ой хочь сватай, хочь не сватай,
Та хочь присымайся:
А щобъ слава не пропала,
Що рѣкъ ты кохався.»
«Коли-бъ же, ты дѣвчинонько,
Трошки богатенька:
Взявъ бы тебе за рученьку,
Повѣвъ до батенька;
А то моя недоленька,
Що ты убогонька:
Буде мнѣ зла ругонька,
Отъ того батенька.»
«Коли-бъ же я, козаченьку,
Трошки богатенька,
Наплевала-бъ я на тебе
И твоего батенька!
Ой пойдю я подъ вишеньку,
Ажъ листъ опадае;
Жалуй мене, дружиненько, —
Мильй покидае!» (*)
«Не журися, дѣвчинонько!
«Рута зелененька,
«Сей покине, — другій буде,
«Ще-жъ ты молоденька....
«Коли-бъ же ты, дѣвчинонько,

(*) Дѣвушка, получивъ отказъ отъ своего корыстолюбиваго любовника, прибѣгаетъ къ своей подругѣ — чаровницѣ или волшебницѣ. Слова, означенныя знакомъ * суть заклятіе послѣдней.

«Тогдѣ за мужъ пошла
 «Якъ на битый дороженки
 «Яра-рута взошла....
 «Коли-бъ же, ты козаченьку,
 «Тогдѣ оженився,
 «Якъ у млинѣ на камѣни,
 «Кукѣль уродився....»
 А дѣвчица догдалася —
 Руту посвѣла;
 Дожни поѣшли — рута взошла,
 Дѣвка за мужъ вѣйшла.
 А у млинѣ на камени, —
 Кукѣль не вродився:
 Козакъ старый, якъ собака,
 А ще не женився!

Прим. *Трошки* — не много; *млинъ* — мельница; *ругонька* — гнѣвъ, поруганіе.

16.

«Ой пій, мати, тую воду, що я паносила:
 Будь для того, мати, добра — що я полюбила.»
 «Ой не буду воды пити, буду розливати:
 Мимо мене полюбила — буду розлучати!»
 «Не розливай, мати, воды, бо тяжко носити:
 Не розлучай мене съ мелымъ, не тобѣ съ нимъ жити.
 Тяжко мати, тяжко мати, не съ тымъ буде жити,
 Ой якъ кого моѣ сердце: не хоче любити.
 Хочь бій, мати, хочь лай, мати, — то не розлюблюся:
 Лучче сгину съ горя бѣдна — нѣжь съ нимъ розлучуся!»

Прим. *Лялти* (Сл.) — ругать.

17.

Очи мои кары,
 Горе-жь минѣ съ нами!
 Сусѣды близкіи, —
 Вороги — тяжкіи:
 Судите, гудите, —
 А самы такіи!
 Я дѣвчицу люблю,
 И любовици возьму:
 И вскорости умру;
 А ты живи мила,
 Не забувай мила:
 Де моя могила.
 Ой моя могила:
 Да край Дунаю,
 Край Дунаецку,
 Тяжко на сердечку!....
 Слѣды на могилу,
 Не кидай землею:
 Ой сама ты знаешь,
 Що важко подь нею....
 Слѣди на могилу,
 Да не тужи дуже, —
 Скажуть вороженьки:
 «Любилися дуже!
 Вѣрно любилися
 Да не побралися.»
 Толькѣ ворожеки
 Да навѣшпалися!»

18.

Ой у полѣ криниченька: ключъ и ведро:
 Да вже-жь моеї дѣвчиноньки давно не видно!

Ой жаль минѣ буде,
Возьмутъ и чужи люде,
Не буде моя!

Ой у полѣ въ криниченькѣ, орлы воду пьють:
Да вжежъ мою дѣвчиноньку къ вѣчанью ведуть!

Ой жаль и проч.
Одинъ веде за рученьку, другій за рукавъ, —
Третій стоить, сердцемъ болить, —
Любивъ да не вѣзъ!....
Ой жаль и проч.

19.

Добрó було нашимъ батькамъ, на Украинѣ жити:
А теперя досталоси панщину робити.
Наступала чорна хмара, настала и сива: (*)
Неотбуде сынь за батька, а батько за сына!
Наступала сива хмара, настала и рыба.
Що не сгуляє у Добродѣя и старая баба!

20.

У Середу родилася, охъ! минѣ горе,
Не пойдю я за старого бороною коле:
А пойдю я за такого, що не має уса,
Вѣнь кивне и моргне — то я засмѣюся.

21.

Дѣвчинонька по грибы ходила,
У зеленымъ гаю заблудила,

(*) См. Думу № 20.

Приблудилася до дубъ зелененькій:
Ажъ тамъ стоить — гайдай молодецькій!
«Ой гайдаю, виведи мене изъ гаю,
Бо справдѣ дороги не знаю!»
«Коли-бъ же ты, дороги не знала,
То-бъ ты мене гайдаемъ не звала:
То-бъ ты мене серденькомъ назвала.»
«Помолюся я Святому Богу, —
Чи не сдойду сама на дорогу;
Помолюся я Святой Причистѣ, —
Нехай ходить по грибы нечистый!»

Прим. Гай — (Нѣм. Hain.) лѣсъ, роща; гайдай — лѣсничій.

КОМАРЬ.

22.

Сѣвъ комарь на дубочку,
Склонивъ головочку на листочку:
Де взяли бури и вѣтры, и стучать,
И гурчать,
Комаря до дому мчать....
Ой тамъ тесли теслѣвали:

Комареви труду събудовали,
Дорогими сукнами окладали,
Золотыми цвяхами побивали:
Поховали комари въ чистомъ полѣ,

Край дороженьки.

Ой идутъ туда Цари и Шаны:

«Ой що се лежить за покойникъ,

Чи Царь, чи Гетьманъ, чи полковникъ,

Чи съ чужой стороны чужестранецъ?»

«Се, не Царь, не Гетьманъ, не полковникъ,

Ни съ чужой стороны чужестранецъ;

Ой се-жъ лежить комарище, —

Славного войська козачище!»

Прим. *Тесла* — плотникъ; *трупа* — гробъ; *цвяха* — гвоздь, *будовати* — строить.

23.

Одна изъ особенностей народной поэзіи Малороссіянъ, — какъ Богемцевъ, и новѣйшихъ Грековъ — есть пѣсни, въ которыхъ предметомъ разговоровъ и дѣйствій составляютъ пернатые, — ихъ можно справедливо назвать птичьими. Для образца представляю три таковыхъ пѣсней и лучший вариантъ чайки.

ГОЛУБЬ И ГОЛУБКА.

Ой подумайте, мысли, по моёмъ безчастью,
Да долго мнѣ жити у великій напасти?

Да мнѣ въ сѣй напасти

По вѣкъ не пронасти....

По надь рѣчькою, по надь быстрешкою:

Ой тамъ сидитъ голубь съ голубкою:

Голубешко гуде, а голубка не знае,

Що голубь ин покипути мае:

«Ты голубешку сивый,

Есть ты неправдивый:

Промовъ, сердце, словце,

Съвесель моё сердце...»

«Ты голубко сива,

Есть ты неправдива:

Съ великого жало —

Я слова не мовлю!

Окипѣло сердце червоною кровью...»

«Да голубешку сивый,

Есть ты неправдивый:

Я зѣлы добуду: —

Промовъ, сердце, словце, рада тобѣ буду.»

«Ой голубко сива, зѣлы не поможе, —

Коли милосердный не поможе Боже.»

ЖУРАВЛЬ.

24.

«Ой не ходи, журавлику,

До озера пити:

Засѣдають да два Ляшенька,

Хотять тебе убити.»

«Якъ-же минѣ до озера,
 Не ходити шти,
 Що тамъ у мене
 Да маленькіи дѣти?
 Не ля минѣ излинути
 Дѣтей памянути!
 Ой де балки,
 Тамъ рыбалки;
 Де байраки;
 То тамъ козаки.»

СОЛОВЕЙ.

=

25.

Шли козаченьки изъ Украины,
 Да кресали огонь изъ оружины,
 Да пустили пожаръ по домицѣ,
 Соловейковы дѣтки попалили.
 Якъ же соловейку безъ дѣтны:
 То такъ козаченьку на чужбинѣ!

ЧАЙКА.

=

26.

Ой бѣда чайцѣ,
 Чайцѣ небозѣ:
 Що вывела дѣтки,
 При битый дорозѣ.
 Киги! Киги! съметѣвши въ гóру,
 Пришлось втопиться въ Чорному морю!
 Жито поспѣло,
 Приспѣло дѣло,
 Идутъ жєнци жати,
 Дѣтокъ забирати.
 Киги! Киги!....
 Дѣти мои, дѣти!
 Де васъ подѣти?
 Чи минѣ втопиться,
 Чи съ гори убитьсѣ?
 Киги! Киги!....
 И куликъ чайку,
 Взявъ за чубайку!
 Чайка кигиче:
 «Сгинь ты куличе!»
 Киги! Киги!....
 И бугай: «бугу!»
 Гне съ лозы дугу:
 «Не кричи чайко,
 Повѣшу въ дугу!....»
 Киги! Киги!....

«Якъ не кричити,
 Якъ не лѣтати!
 Дѣтки малѣньки —
 А я ихъ мати!...»
 Книги! Книги! сълетѣвши въ гору
 Прійшлось втопиться въ Чорному морю!

КОСИЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

=

27.

Ой горе, горе, не кошене поле,
 Велике поле — да косить его горе;
 Ой найму, найму, косарикѣвъ чотырѣ,
 Щобъ моѣ поле гладенько искосяли,
 Косарики косать и вѣтеръ повѣває:
 Де-сь мѣй миленькій съ иншими розмовляе,
 Ой пойдю я водици до криници, —
 Ажъ тамъ мѣй миленькій цѣдуе молодежи:
 «Ой годъ! милый, молодежи цѣловати,
 Ходимо-жь мы вечеру вечеряти.»
 Вечеряй мила, коли-жь ты наварила,
 А я пойдю де двѣтка чорнобрѣва.»
 «Вечеряла-бъ тебе, лихая година:
 Шо чужа мила, хорѣша, чорнобрѣва!»

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

=

ПЕТРОВКА.

=

1.

Малая пѣчка Петрѣвочка
 Да не выспалася наша дѣвочка,
 Не выспалася, не нагулялася,
 Пришла до дому батька боялася:
 «Ой дубровка зувеленько, не куй рано у добровѣ,
 Песбуди-жь мене молодой:
 Избудать мене ранній тебе (*),
 «Устань, невѣхно, неработнице,
 У моѣмъ домѣ, не кукѣльнице,
 Уже коровы у добровѣ,
 Уже овечки у чистому полѣ,
 Уже и плугатери у толоцѣ,
 Уже и твоѣй миленькій по томъ боцѣ:
 Да не переплести,
 Ни перебрести,

(*) Дѣвушка разговариваетъ съ кукушкою, какъ ее рано будетъ разбуживать будущая ея свекровь.

Ни рученьку дати, утопати. —»
 «А ты доненько (*), знай отгадати:
 Що я не утютька упоринати,
 Съ лёдомъ воды доставати!»

КОЛЯДЫ.

2.

Ой заказано и зарадано,
 Святый вечеръ! или Славенъ еся нашъ милый Боже!
 Встѣмъ козаченькамъ у вѣйсько итти:
 Пану (**)...ку корогѣвъ нести;
 А у его цѣпка,
 Вельми старенька,
 Выпровожала
 И научала:
 «Ой сыне мой, сынку!
 Не попережай у передъ вѣйська,
 И не оставайся позадъ вѣйська:
 Держися вѣйська — все середняго
 И козаченька все старечного.»
 Молодой..... ко непослухавъ песни свои,
 У передъ вѣйська конемъ играе,

(*) На эти злослыныя слова свекрови, родная мать будущей невестки научаетъ ее, какой должно дать на это отвѣтъ. Свекровая, какъ видѣла, чтобы сбудить скорѣе свою невестку, говоритъ, что мужъ ея утѣнасть.

(**) Вставляется имя, въ честь кого поютъ коляду.

А позадъ вѣйська мечемъ махае.
 Утѣяне, се, самъ царь на креслѣ:
 «Ой колибъ я знавъ,
 Чѣй то сынъ гулявъ:
 То я-бъ за ёго, свою дочь отдавъ,
 Половину царства ему бы отдавъ.»

Прим. Непя — мать.

3.

Изъ-за горы, изъ за каменщон,
 Святый вечеръ!
 Да вѣтѣмъ выспунá велике вѣйсько,
 А по переду панъко идѣ
 Панъко идѣ, коцника ведѣ,
 Хвалится конемъ передъ королемъ, —
 Да нема у короля тогого копя,
 Якъ у нашего Панака.
 Хвалится стрѣмою
 Передъ дружиною;
 Да нема у дружины, —
 Такой стрѣлы,
 Якъ у нашего Панака.
 Хвалится дукѣмъ
 Передъ гайдукомъ, —
 Да нема у гайдука,
 Такого лука,
 Якъ у нашего Панака.
 Да бувай же здоровъ, Панаку!
 Да не самъ собою,
 Съ отцемъ съ матерью:

Со всемъ родомъ
Живите съ Богомъ.

Прим. Гайдуки, было въ древности названіе пѣнаго войска Королей Польскихъ; такъ какъ козаки составляли конное.

3.

Ой рано, рано, куры запѣли
Святый вечеръ!
А ще раньше Панъко вставъ,
Лучкомъ забряцавъ,
Братьевъ побужавъ:
«Да вставайте, братья, коня седлайте,
Коня седлайте, хорты скликайте:
Да поведемъ въ чистее поле, на прогулянье,
На розгляданье.
Да найдемъ, братья, куну въ деревъ,
Дѣвку въ теремъ.....
Отъ-се вамъ, братья, — куну въ деревъ,
А мицъ, братья, — дѣвка въ теремъ.

Прим. Хоризъ (сл.) борзая собака или вообще охотчая.

4.

Ой ясна, красна, калина у лузъ,
А ще красивѣйна (*)..... а у домъ,
По двору хѳдить,
Якъ заря схѳдить;

(*) Имя дѣвушкѣ, которой поется Коляда.

Въ стпѳчки вѳшла,
Якъ зоря зашла.

Въ свѣтлоньку вѳшла — Пань вставаютъ,
Шанки иснимаютъ, ей ыгѳаютъ:
«Чи ты царевна, чи королевна?»
Якова дочка,чка.»

ЩЕДРОВКА.

5.

Ой свѣтъ Христосъ вечерати,
Добрый вечеръ, щедрый вечеръ!
Добрымъ людямъ
На здоровье!

Пришла къ нему Божа мати:
«Сздай ми вечерати.»
«Да спасибо, сыну, за сю вечерину,
Отдай, сыну, райски ключи:
Отомквуди рай и пекло,
Выпустити грѣшны души;
Тѳлькѳ одбои не пустити,
Бо та душа согрѣшила:
Отца и матку падала,
Вона ихъ намаяла и не подобала.»

ПѢСНЯ КУПАЛА.

=

6.

Да стоять кони да посѣдланы,
 Иваще, Иванечку!
 Посѣдланы, позануздованы
 Тѣлько сѣсти да повхати,
 За границу по вдовицю:
 А вдовицю легко брати,
 Легко брати — важко жити,
 Да стоять кони да посѣдланы,
 Посѣдланы, позануздованы;
 Тѣлько сѣсти да повхати,
 За гороньку да по девоньку:
 А девоньку важко брати,
 Важко брати — легко жити.

Прим. На Малор. весельяхъ, или сватбахъ, невесту, еще не бывшую замужемъ, обыкновенно берутъ послѣ народнаго небольшого сраженія, въ старину доходило оно до порядочнаго боя.

=====

СВАДЕБНЫЯ:

=

7.

Теперь у насъ да дѣвичь — вечерь,
 Рано, рано, да дѣвичь — вечерь, — хороше изряженъ,
 Да не такъ изряженъ, якъ обсаженъ:
 У три стѣны каменныя, четвертая золотая,
 А на той стѣнѣ теремъ стоитъ,
 А на теремочку маковочка,
 А на маковочкѣ ластовочка:
 Да свела гнѣзденко съ чорного шовку,
 Да вывели дѣтки — однолетки, —
 Перво, дѣтятко молодой Ивасикъ (*),
 А друге, дѣтятко молода Марусенька.

8.

Слава зори до мѣсяца:
 «Ой мѣсяцю, мой товаришу!
 Не выходи ты, ранѣй мене,
 И зойдемо обое разомъ,
 Осветило небо и землю, —
 Срадуется звѣрь у поле, гѣсть у дорожъ.
 Слава Марусечка да до Ивасечка:
 «Ой Ивасе! мой суженый,

(*) Имена вставляются такія имѣютъ новобрачные.

Не съдай на посаду рапій мене,
 Обсадило обоє разомъ?
 Сьвесслимо два двора разомъ,
 Ой первый двѣрь, батька твого,
 А другій двѣрь, батька мого.

9.

(Поють передъ вечерею, или ужиномъ)

«Зеленая дуброзонько, чему не шумишь,
 Приставлена капустонько, чему не кипишь,
 Осмаленый селезень, чему не летишь?»
 «Колібъ я не рубаца, тобъ я шумѣла,
 Колибъ-же я приставлена — тобъ я кипѣла,
 Колибъ я не смаленый — тобъ я полетѣвъ:
 Полетѣвъ бы я, да до Кіева,
 Ой сьвъ бы я крамомъ крамовати,
 Обцявся-бъ всѣмъ друженькамъ по пѣрстнику дати
 А молодой Марусеньки черевички:
 Бо у неї пѣжки неведлички.»

10.

Старша дружечко,
 Подивися у окошечко:
 Чи высоко сонечко на небѣ,
 Чи богато бояръ на дворѣ?»
 «Богато, не богато, тільки всѣхъ,
 Красчій Ивасикъ ото всѣхъ.»
 «Ой вы бояре! ясныя соколоньки,
 Чомъ же вы до насъ не рано пріѣхали?
 Чи вы бояре коникѣвъ добували,
 Чи вы бояре жупанѣвъ позычали?»

«Ой вы дружечки! сивыи голубочки:
 У насъ коньки посвданы стояли,
 У насъ жупаны побганы лежали, —
 То у Ивасечка, ласковый Паньотченцько,
 Забаривъ насъ, ласковыми словами,
 Наповавъ насъ, солодкими медами,
 Прохавъ насъ: прозьбою и грозьбою, —
 Щобъ мы привезли Марусеньку съ собою.»

11.

Плѣве утонька, безъ утиняты,
 На море почевати,
 А проти ея сивый селезень,
 Съ черными косицями:
 «Ой постѣй, утко!
 Да не пливй хутко,
 Щось тобъ за вѣсть скажу:
 Бувъ я на ставку,
 Чувъ я славоньку —
 И про тебе, сира утонько!
 Да плетуть сѣтки
 Да на твои дѣтки —
 И на тебе, сира утонько!»
 «Да нехай же плетуть
 И приплѣтують:
 Я-жь того не боюся!
 Я на дно порну,
 И сѣти порву,
 И дѣточокъ повыпускаю.»
 Идутъ дружечки,
 У два рядочка,
 А Марусечка по-переду;

Проти ней молодой Ивасечко,
 Съ своими боярами :
 «Ой постой, постой, молода Марусечко!
 Щось тобѣ за вѣсть скажу :
 Бувъ я на мѣсть,
 Чувъ-же я вѣсти —
 И про тебе молода Марусечко!
 Да купують чепци,
 И кибалочки,
 Да на твою головочку.»
 «Да нехай купають,
 Да нехай торгують :
 Я-жъ того не боюся,
 Я у недѣлюнку, да у вечеръ
 Я у тее, приберуся.»

12.

(Послѣ похищенія, когда невѣсту везутъ въ домъ жениха).

Свѣтите зороньки пѣдъ нами,
 Да пляшите кониченьки пѣдъ нами,
 Уже наша Марусицка съ нами!

13.

Выйди, матенько, огледи,
 Що тобѣ бояре привезли :
 Да привезли скрыню и перину
 И молодую Княгиню.

14.

(При воротахъ дома женихова раскладываютъ огонь :
 чрезъ него должно персѣхать невѣсть и ея поѣзду,
 или экипажамъ; въ это время поютъ) :

Ой кони, наши вороны!
 Чи чуєте па сляу?
 Чи съвезете Княгиню,
 Да на тую гороньку крутую,
 Да у тую свѣтлоньку новую,
 А у той свѣтлоньцѣ медъ, вино, пьютъ :
 Да вже жъ нашу Марусеньку давно ждуть.

15.

Мати Маруеньку родила,
 Мѣсяцемъ обгородила,
 Солнечкомъ пѣдперсала :
 До свекорка выпровожала.

16.

Рысю, кониченьки, рысю,
 Ёдемо съ корыстью,
 Да веземо да корыстоньку :
 Молодую ла невѣстоньку.

17.

Да казали Марусенька не пряха,
 А ив'матинька не ткаха:

Ажъ вона раненько вставала,

Тонкіи рушнички напяла,

У тихого Дуная бляда —

Молодыхъ бодръ дарла.

18.

Пойду я до Дунаю,

Стану полумаю,

Да чи мить да воду брати?

А чи мить коровай бгати?

19.

Засвѣти, Боже, изъ Раю,

Нашему короваю:

Щобъ було виднессько,

Крвати аронессько.

20.

Не бѣйся, магинко, не бѣйся,

Въ чорвонои чоботеньки обуяся:

Топчи вороги — по́дь ноги,

А супостаты — по́дь пяты.

* Прим. Описание полной Малороссийской свадьбы, во всемъ ея пѣсняхъ и обрядахъ, составило бы целый томъ. Желательно, чтобы кто издасть хотя кратко объ ней сочинение, съ помѣщеніемъ важнейшихъ пѣсней, обрядовъ, и указаніемъ въ которомъ именно мѣстѣ она списана. Нѣсколько такихъ описаній, въ разныхъ сторонахъ Южной Россіи сдѣланныя, дали бы намъ полное понятіе объ этомъ прѣмьчательномъ обрядѣ Русиковъ.

ЗАКЛИНАНІЯ.

Вотъ еще довольно любопытный предметъ. Подъ этимъ именемъ должно разуметь все «шептання и заговянія» отъ различныхъ болъзней и случаевъ. Въ Малороссіи есть для этого особенный классъ людей, известныхъ подъ именемъ «знахорей и знахорокъ». Все ихъ медицинское знаніе преимущественно основано на таинственныхъ словахъ, сплевываніемъ, дуновеніемъ на больное мѣсто и вожденіемъ на воздухъ руками — точно такъ, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе магнетизеры; «шотожая и нешотая» вола составляетъ важнѣйшую принадлежность, въ которую они обыкновенно обмакиваютъ пальцы. Отъ ихъ пациентовъ я слыхивалъ, что нѣредко болъзнь, которою они страдали — вдругъ миновалась, но за то она переходила на заклинателя, или знахоря, приходившаго въ такое разслабленіе, что совершенно лишался чувствъ. Это особенно бываетъ въ болъзняхъ, известныхъ подъ именемъ «пристрѣта», которой я не могу перевести — она происходитъ отъ недобрыхъ глазъ или «урока». Сіи шептання составляютъ большую тайну, знахоры увѣрены, что если ихъ разсказать другимъ, то они теряютъ свою цѣлебную силу. Только на смертномъ одрѣ знахоръ открываетъ ее своему сыну или ближайшему родственнику; посвященный въ это таинство принимаетъ званіе своего учителя. Едва ли должно доказывать, что это суть остатки древняго кудесничества; что знахоры по прямой линіи нисходятъ отъ языческихъ жрецовъ; самыя шепта-

нія ихъ есть ничто другое, какъ, искаженные временемъ, языческіе гимны, въ которыхъ имена мифологическія замѣнены именами изъ Христіанской религіи; нерѣдко къ нимъ прилагаются и имена лицъ историческихъ. Въ этихъ заклинаніяхъ виденъ метръ, смѣшанный съ новѣйшею рифмою, и древнія неудобопонятныя Славянскія слова — перемѣшаны съ Малороссійскимъ нарѣчіемъ. Для образца представляю одинъ примѣръ, не составляя какъ другія заповѣдной тайны, его можно было легко достать. Желательно, чтобы кто собралъ ихъ болѣе; не мѣшало бы въ этомъ случаѣ воспользоваться требникомъ Митрополита Петра Могилы, изданномъ въ Кіевѣ, въ началѣ XVII вѣка; тамъ почти на всѣ образцы этихъ заклинаній и волшебствъ находятся антизаклятія; въ его время, по преданію народному, сожигали несчастныхъ знахорей и пробивали насквозь грудь осинными клѣвьями всѣмъ волкулакамъ (Loup-garou), упырямъ (Vampires) и вѣдьмамъ.

ОТЪ БОЛИ ЗУБОВЪ.

Мѣсяцю, молодой Княже! (или мѣсяцю младенче)!

Чи бувавъ ты у старого?

Чи пытавъ ты его — чи болѣли у его зуби?

Щобъ у мене вѣкъ вѣкомъ

И судъ судомъ — зубы не болѣли:

Заецъ у полѣ, а рыба у морѣ, мѣсяць на небѣ,

(или мѣсяць на небѣ, камень у морѣ, дубъ въ лѣсѣ).

Коли будутъ три брата, и звукъ гуляти;

То тогда у мене будутъ зубы болѣти.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ЧЕРВОНОРУССКІЯ

ДУМЫ и ПѢСНИ.

Вотъ уже пять вѣковъ какъ Галиція или Червоная Русь чужда своему отечеству — остальной Россіи. Въ продолженіи этого періода, она, подобно всемъ завоеваннымъ землямъ, испытала приливъ иноземцевъ. Поляки, какъ господствующій народъ, сотнями тысячъ поселились въ недрахъ ея; они успѣли уничтожить или обратить въ Католицизмъ древніе боярскіе роды, искоренить Православіе, ввести на письмѣ свой языкъ, свои законы, и прибрать во власть свою всю недвижимую собственность Галичанъ, такъ что простой народъ не имѣетъ и сажени земли Русской въ своемъ владѣніи, — она вся Польская, панская. Червоноруссы въ своей родинѣ какъ бы не существуютъ; живя въ Галиціи, вы никогда не услышите и даже не будете подозревать, что находитесь въ Руси; въ высшихъ и среднихъ ея сословіяхъ одно только заграничное, чуждое имени Русскому; но ступите къ самому нижкому сословію Галиціи — къ поселянамъ, снискивающимъ свое существованіе въ потѣ лица на землѣ панской, — вы въ минуту перенесетесь въ Южную Россію, въ Малороссію. Червоноруссы, не взирая на безконечное свое иноплеменное подданство, которое переносятъ съ терпѣніемъ, — сохраняютъ по сию пору привязанность къ своему происхожденію и имени и слѣдовательно и къ Россіи; Украина, Малороссія, есть для нихъ сердца обѣтованная земля, куда стремятся все ихъ помыслы и думы. Съ

какою заботливостію Галичанинъ спрашиваетъ заѣзжаго изъ Россіи гостя, о судьбѣ своихъ братьевъ Украинцевъ, онъ съ радостію разделить съ нимъ свою уютную трапезу, чтобы узнать, что новаго объ Украинскихъ Козакахъ. Кто бы повѣрилъ, что Галицкій пастиухъ знаетъ гораздо больше думъ о герояхъ Украйны и ея исторію, нежели посѣдлый Малороссійскій Козакъ. Онъ гордится подвигами Малороссіянъ, какъ своими собственными. Онъ радуется ихъ счастью и успѣхамъ и тужитъ въ прекрасныхъ своихъ пѣсняхъ «о пригодѣ Козацкой». Прочитайте со вниманіемъ Галицкія пѣсни, въ нихъ — если молодой Червоноруссецъ хочетъ поправиться своимъ красавицамъ — то говорить, что онъ Козакъ изъ Украйны и Козакъ «зъ роду»; въ одной пѣснѣ, мать описываетъ своей дочери богатства Украйны и ея Козаковъ — враговъ Полякамъ, журитъ ее, чтобы она не любила «Ляховъ», а Козаковъ; въ другой, дѣвушка умираетъ за любезнымъ ея «Козаченькомъ»; въ третьей, жена грозитъ своему мужу, что она оставитъ его и поидетъ «на Украйну съ дѣтьми на свободу»; въ четвертой, описываются похороны Козака и пр. и пр. Но важнѣйшія изъ пѣсень Червоноруссецовъ — это есть, безъ сомнѣнія, Малороссійскія думы; известно что содержаніе ихъ есть исторія Южныхъ Русиновъ противъ угнетителей своихъ Поляковъ. Въ XVII вѣкѣ, во время этой ужасной борьбы, вся Южная Россія пришла въ движеніе, болѣе 200,000 воиновъ было подъ знаменами Хмельницкаго, въ короткое время народъ истребилъ Поляковъ въ обихъ Украйнахъ и Подоль; въ Белоруссіи и Волынѣ также началось страшное кровопролитіе, тамъ было уже Козаки прицались за «Ляховъ и Жидовъ». Галиція ждала только избавителей; вско-

ръ перуны Хмельницкаго достигли Сборова, и жители этого Галицкаго города были явно на сторонѣ Гетьмана Малороссійскаго.... Должно замѣтить, что сія война Южной Россіи не имѣла ничего общаго съ обыкновенными пышными войнами; нѣтъ, она должна была рѣшить великій вопросъ: или Южная Россія должна была, совершенно освободиться отъ ига Поляковъ, подобно какъ сѣверная ея сестра отъ ига Татарскаго; или же навсегда остаться подъ вліяніемъ и владычіемъ Польскаго шляхетства, какъ его исключительная собственность. Если-бы такъ рано не умеръ Хмельницкій или далъ по себѣ Руси достойнаго пріемника, — тогда бы отъ Сейма до Вислы и горъ Карпатскихъ, не осталось бы не одного Поляка, они все были бы изгнаны въ Польшу, точно такъ, какъ судьба ихъ постигла въ Малороссіи вмѣстѣ въ Унію и Жидами..... и Южная Россія воскресла бы послѣ четырехъ вѣковаго униженія — во всемъ своемъ величій. Но предопредѣленія судьбы недовѣдомы, — все рушилось послѣ Хмельницкаго! Кому не известно, что Кіевская и Подольская губерніи, составлявшія некогда нераздѣльную часть Малороссіи, подпавъ во власть Польши, испытали надъ собою страшную мсть Польской аристократіи, въ нихъ Малороссійскіе Козачьи полки, или среднее сословіе Руси, съ ея шляхетствомъ и даже Православіемъ, должны были исчезнуть.... Эти два сословія умирали въ пыткахъ или съ мечемъ въ рукахъ — Желѣзнякъ (*). Гонимы, Блуга, Соколова, Бондаренко (1770 — 1775) суть послѣдніе ихъ мученики; Амфетутинское право (1775), послѣдовавшее вскорѣ по уни-

(*). Память Желѣзняка, не смотря на возмасы «иностранныхъ» всегда будетъ священна для Малороссіянъ.

чтоже ни Запорожской съчи, довершило торжество Польскаго шлхетства, и паденіе этой части Малороссіи — истинной «Русской земли». Послѣ этого небольшого вступленія, читатели вѣроятно не удивятся, найдя почти во всѣхъ Галицкихъ думахъ и «парубочихъ пѣсняхъ» всегдашнее обращеніе къ милой для нихъ Украинѣ и Украинскимъ Козакамъ; и какъ не уважать до восторга Малороссіянъ, когда они оземлялись вооружиться противъ Поляковъ — сихъ вѣчныхъ угнетителей и арендаторей Галичанъ? Вотъ почему Червонорусцы усвоили себѣ думы Малороссіянъ, между тѣмъ какъ послѣдніе, счастливые ихъ собратія, давно ихъ позабыли. Голоса древнихъ думъ Малороссіи проникаютъ душу какимъ-то неизъяснимо тонкимъ впечатленіемъ, онѣ соединяютъ въ себѣ и тоску по родинѣ и неукротимую мечь Славянина, когда его несчастія прешли мѣру человѣческаго терпѣнія. Сія шестистопныя и даже восьмистопныя пѣсни исходятъ изъ широкой груди Русина такъ гибко, такъ мелодически, какъ будто самыя нѣжныя романсы Жуковского или Пушкина; въ нихъ различаемъ и тихій плачь матери и сестры о своемъ сынѣ и братѣ, и раскаты грома изъ пушекъ и самонамовъ, и вопль сражающихся, гдѣ «Ляцкая кровь» течетъ рѣками. Къ сожалѣнію ни одна изъ нашихъ думъ не переложена на ноты. Галичане и понынѣ не забываютъ голосовъ этихъ волшебныхъ эпоней, и понынѣ онѣ приводятъ въ сотрясеніе ихъ души! Справедливо Малороссійскіе бандуристы говорятъ, что слава не умретъ и не поляжетъ.....

Я думаю пріятно будетъ узнать моимъ читателямъ, что въ Лембергѣ (во Львовѣ) и въ Перемышлѣ нѣсколько добрыхъ Уніатскихъ патеровъ, которые еще

не стыдятся носить имя Русское, вадумали воскресить въ Галиціи народное слово, и, въ послѣднее время, благодаря покровительству Австрійскаго правительства, показали нѣсколько сочиненій на Малороссійскомъ нарѣчьи; — но къ сожалѣнію должно замѣтить, что основаніемъ ему взять Польскій языкъ и Перемышльское нарѣчье, болѣе всѣхъ прочихъ пострадавшее отъ Полонизмовъ; къ чему бы Гг. сочинителямъ не спустились «къ простой рѣчи» восточнаго Червонорусскаго діалекта, въ которомъ еще сохраняется чистота Киево-Русскаго нарѣчья? Безъ сомнѣнія другія важнѣйшія причины препятствуютъ Патерамъ изъясняться съ своими прихожапами природнымъ и прекраснымъ языкомъ своихъ праотцевъ. Мы уже выше замѣтили отношеніе Червонорусцевъ къ своей собственной родинѣ, — они во всякомъ случаѣ должны покоряться направлению, какое даютъ имъ ихъ повелители.

Червоной Руси въ Галиціи простирается за три милліона, многіе изъ нихъ исповѣдуютъ Римско-Католическую вѣру, другіе Унію; нравы и обычаи ихъ ни сколько не разнятся отъ Малороссіянъ; нарѣчье ихъ есть также Малороссійское. И потому, при чтеніи Галицкихъ пѣсень, въ выговорѣ должно соблюдать тѣ же правила, какія я уже изъяснилъ при Малороссійскихъ пѣсняхъ.

Всѣ Галицкія пѣсни я заимствовалъ изъ собранія, выпеднаго въ Лембергѣ, въ 1855 году, подъ заглавіемъ: *Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego*. Изд. Г. Вацлавомъ. Вотъ образчикъ его правописанія Галицкіихъ пѣсень:

Oj znaty, znaty, kto koho lubyt,
Blizko sidaje i prihoľubit.

Hrymnuła szezuka rybońka na mori,
Prupłyło zoloto i srebro do berehu.

Ne chody Hrysiu na weczernyciu,
Bo weczernyci wsi szagiwduci.

Я пишу:

Ой знати, знати, кто кого любить,
Близко сѣдае и приголубить.
Грѣмнула шука рыбонька на морѣ,
Приплыло золото и серебро до берегу.

Не ходи, Грисию, на вечерницю,
Бо въ вечерницѣ всѣ чарѣвници.

Недавно во Львовѣ вышло цѣлое собраніе Червононорусскихъ пѣсней, въ которомъ весьма много Малоросскіихъ думъ; я однакожь не могъ его достать.

НЕЧАЙ.

Въ чистымъ поляхъ, при тихимъ Дунаю,
Крикнувъ Козакъ на Нечай: «втѣкаймо Печаю!»
«Якъ я маю Козакъ Нечай съводси утѣкати,
Славу свою Козацькую марне потерять.....»
«А я тебе, мой Нечаяю, не убезпечаю,
Держи собѣ кониченька для своего звычаю;
А я тебе, мой Печаю, не убезпечаю,
Держи собѣ шабелочку та подѣ опончѣю;
Коли тебе Ляхи будутъ, Нечаяю, рубати,
Щобъ-бысь ся мавъ, мой Печаю, чѣмъ обороняти.»
Ой алежа Козакъ Нечай на тое не дбае,
Тай съ кумою и съ лобою медь; вино кружае:
Бо поставивъ Козакъ Печай три сторожи въ мѣстѣ,
А самъ пошѣвъ до кумоньки шуки рыбы всти.
Поглянеся въ кватироньку ровно Ляхѣвъ въ мѣстѣ,
Ой съпогляне Козакъ Нечай за тихой воды,
Иде Ляхѣвъ сорокъ тысячъ хорошей вроды:
«А я Козакъ молоденькій Ляхѣвъ не боюся,
Маюжь-бо я козаченькѣвъ, да оборонюся!»
Ой якъ крикне Козакъ Нечай на хлопца малого:
Кульбачь хлопче, кульбачь малый, коня вороного,
Минѣ вороного, собѣ буханого,
Геть, вырѣжемъ вражихъ Ляхѣвъ, геть шо до одного,

Не встигнувъ Козакъ Нечай на коника всѣсти,
 Огняне-ся назадъ себе а вже Ляхи въ мѣстѣ;
 Ой якъ стисне Козакъ Нечай коня острогами:
 За нимъ Ляхѣвъ сорокъ тысячъ съ голыми шаблями;
 Ой якъ вѣзме Козакъ Нечай вѣтъ башты до башты
 Вражихъ Ляхѣвъ, якъ бы снопы, по три ряды класти,
 Ой оберне Нечай коня на лѣвоѣ плечѣ,
 За нимъ, за нимъ кровава, быстра рвѣчка течѣ;
 Ой оберне Нечай коня на правую руку,
 Не выскочивъ Нечаѣвъ конь изъ Ляцкого трупу;
 Ударивъ си Козакъ Нечай по полахъ руками,
 Куда гяне, туда гряне, тече кровь рѣчками;
 Ударився Козакъ Нечай по полахъ рукою;
 Ой прійдеша розлучити съ дѣтьми и женою;
 Ой поткнувся Нечаѣвъ конь на малу дичину;
 Пѣйпавъ его Панъ Потошкій съ коня за чмирину;
 Ой чи той-то хмѣль, що по деревъ вѣтьси;
 Ой чи той-то Козакъ Нечай, що съ Ляхами бѣтеша?
 Ой той-то самой хмѣль, що по деревъ вѣтеша;
 Ой той-то самъ Козакъ Нечай, що съ Ляхами бѣтеша;
 А де-жъ твои, Нечаенку, скарбови кони?
 «Ой въ мѣстечку Берѣстечку стоять на выгонѣ;
 А де-жъ твои, Нечаенку, скарбови дозы?»
 «Ой въ мѣстечку Берѣстечку стоять на залозѣ;
 А де-жъ твои, Нечаенку, дѣтоньки таї жена?
 Въ самимъ мѣстѣ Берѣстечкѣ сидятъ собѣ дома,
 Да который козаченько буде въ васъ урѣтеша;
 Поклонитъя моѣ жниг, вѣщастной невьѣстѣ;
 За часъ, за годину, за малу хвѣлиньку;
 Качаетъ Нечаега голова по рывку;
 Ой не дбали вражи Ляхи на козацьку вроду;
 Рвали тѣло по кавалку, пускали на волу.

РОМАНЪ.

На зеленыхъ царничку,
 Пиля Турки корьмочку,
 Пиля, пиля, цѣпивали,
 А Романа цѣпаваяли:
 «Ой Романа, Романочку!
 Продай сестру Оленочку:
 За коники вороньи,
 И за сѣдла серебряны,
 За уздела шовковыя,
 И за станли золотыя,
 За талеры незмѣренны».
 Прійшовъ Романъ до домочку,
 Склонивъ на стѣль головочку, —
 Дай гадае си думочку,
 Чи пролати Оленочку.....
 «Ой Олено, сестро моя!
 Помой двори мостовыя,
 Застель стѣлы кѣдровыя,
 Помой миски серебряны,
 И ложочки золотыя».
 Вышла она на поддѣбрье,
 И дивитъся въ чистѣ поле:
 «Ой Романа, Романочку!

Що то въ полѣ за дымове,
 Чи то вѣрлы крыльями ея б'ять,
 Чи овчари зъ турмы гонять?.....
 «Ой Олено, сестро моя!»
 Ни то вѣрлы крыльми ся б'ять,
 Ни овчари зъ турмы гонять:
 Лешъ то Турки и Татары,
 А вси твои суть бояры.»
 До свѣтлицъ хутко впила:
 Мечъ захопила шую с'ятяла.....
 «Ой Олено, сестро моя!
 На що ты ся уродила,
 На що собѣ шую с'ятяла?»
 «Лучше тутка погибати,
 Нѣжъ съ Татармы пробувати!»

КОЗУБАЙ.

Выбрався Козубай на вѣйну съ Ляхами,
 Взявъ съ собою самопаль и лукъ со стрѣлами,
 Взявъ съ собою вороного, коня свого вѣйскового,
 Шаблю и съ похвою, флашку съ горьвкою.
 Ажъ прѣхавъ пѣдъ Блую-церкѣвъ на самую стражу,
 Горьвки имъ не стало, кешко сердце' устало,
 Думаютъ съ собою, якъ пойдуть до бою.

Прійшовъ къ нему Фелькѣ и Иванъ стрыечный,
 Напився горьвки Козубай безмечный:
 «Стѣйте, братія молоды, не бѣйгеси страхѣвъ,
 Я самъ в'язу на вербу, на проклятыхъ Ляхѣвъ,
 На вербѣ ушукую и самопаль выриштую,
 Будемъ Ляхѣвъ брати, за руки вязати.»
 Прійшовъ къ нему Фелькѣ Цюрá, дай го б'є,
 А вжежъ мѣй Козубай не ж'є;
 Заплакавши Федько собѣ:
 «Свини було пасти тобѣ
 А не воевати,
 Жалю додавати.»

Прим. Кешко — глупо (Пол.); ушукать — расположиться; сирештовать — пристроить, вымѣрять. Кажется, послѣдніе стихи этой пародіи, суть новѣйшаго сочиненія.

ДОРОШЪ.

4.

Ой по-пѣдъ гаемъ зелененькимъ,
 Ходить Дорошъ молоденькій,
 Тай па пѣжку налегае,
 Топѣремъ ся пѣдширае,
 Тай на хлопци въ покыкае:
 «Ой вы хлопци, вы молодци!
 Поедемъ вси вразъ въ гости,
 Уставайте вси раненько,

Уберайтеса борзенько :
 У постылы скоряныи,
 И волоки шовковыи, (*)
 Бо поведемо на вечёрки
 До Стефановой жёнки.»
 «Ой Дорошу, ты пане нашъ,
 Тамъ пригода буде на насъ.»
 «Но, на мене уважайте
 По двѣ кули набивайте.....
 Станьте хлопци пѣдъ ворота,
 А я пѣду пѣдъ вѣконце,
 Чи спишь моѣ любе сердце:
 «Чи спишь, сердце, то чи чуешь,
 Чи Дороша заночуешь?.....
 Чи спишь, сердце, та чи чуешь,
 Ой чи самá ты почувшь?.....»
 «Ой я не спю, та все чую,
 Розбѣйника не сьночуюю.
 Ой я не спю, но все чую, —
 Бо вечереньку готую;
 Дещъ нема Стефана въ дома,
 Ще вечера не готова, —
 Буде она дуже пыльна,
 И всимъ людемъ буде дивна.....»
 «Чи ся кажешъ добувати
 Чи будешъ самá отвырати?»
 «Не кажуся дубовати,
 И не пѣду отвырати.....»
 «Пусти, суко, вразъ до хаты,
 Щобъ двери не вываляти!»
 «Въ мене двери тисовыи
 Въ мене замки сталѣвыи.....»

(*) См. Малор. думу № 10 и примѣчаніе къ ней.

«Не помогутъ замки твои,
 Якъ пѣдложу плечи свои.»
 Взався Дорошъ добувати,
 Взали замки вѣглѣтати;
 Скоро Дорошъ двери вхиливъ,
 Заразъ Стефанъ въ сердце стрѣлилъ.....
 Йще вставъ Дорошъ, выйшовъ изъ хаты:
 «Треба хлопци утѣкати,
 Приблизитися ближе къ менѣ,
 Ой якъ-же тяженько менѣ,
 Возьмитъ мене на топоры,
 Занеситъ мя въ сини горы,
 Въ сини горы занеситъ мя,
 Пай ся Ляхи не събѣдкують,
 Мое тѣло не чвертують.
 «Ой Дорошу, ты пане нашъ,
 Велика пригода на насъ;
 Де-жъ мы будемъ зимовати
 Тото лѣто лѣтовати?
 Пѣшли бы мы въ Угорщину;
 Въ далекую Украину,
 Но и тамъ мы зле сьробили,
 И тамъ мы си прешкодили:
 Бо хотѣли Царя вбити,
 А Царицю съ бою взяти.....»
 «Ой будемо зимовати,
 Тото лѣто лѣтовати,
 Въ Станиславъ на рыночку,
 Въ Кайданочкахъ въ зельзочку.»
 Впали Ляхи ихъ забрали,
 Руки назадъ повязали,
 Руки назадъ повязали,
 До конѣй поприпынали.
 Ой Дорошу, пане нашъ,

Вслика пригода на насъ,
 Де-жъ мы будемъ зимовати.
 Тото лѣто лѣговати?»
 «Ой въ Стапиславъ на рыночку,
 Въ тяжкихъ дыбахъ, въ вельвочку,
 Тамъ будете ночевати,
 Тамъ будете дни днѣвати,
 Тамъ будете ночевати, —
 Будуть птицы тѣло рвати.»

П Ъ С Н И.

I.

Чому куры не поѣте,
 Чому людє не чуєте!
 Турки село сѣрабовали,
 Громадами людей гнали.

 Припалася зятю (*) теща:
 Вѣнъ самъ ѣде на конинѣ,
 Тещу веде по тернинѣ,
 Кровцѣю слѣды заливає.
 Чорный воронъ залѣтасъ,

(*) Т. е. досталась Турку, какъ увидимъ ниже, она была его теща.
 Писня эта имѣеть чрезвычайно большое сходство съ подобною же Русскою.

Тоту кровцю испивасъ.

 «Слухай (*), пани Турчинова,
 Прививемъ ти невѣльницю,
 Ажъ изъ Польщи робѣтницю:
 Завдаймо їй три робѣтѣ:
 Оченьками стадо пасти,
 А руками кужель прѣсти,
 А ногами колисати (**).»
 Она дѣтя колисала
 И дитинѣ приспѣвала:
 «Люлю, люлю, Татарчатко!
 А по дочцѣ та внучатко!.....»
 Въ томъ Туркеня съ кресла встала
 Старой бабы ся пытала:
 «Почомъ ты мене пѣзнала?.....»
 «Якъ ты баба въ купель клала,
 На груди ти искра впаала,
 Потому-мѣ тебѣ пѣзнала.»
 «Мати моя, мила мати!
 Скидай съ себе тѣи латы,
 Возьми дорогїи шаты,
 Будешъ съ нами пановати!»
 «Лѣпше мой вбоги латы,
 Нѣжъ дороги твои шаты.»

(*) Говорить Турокъ своей женѣ.

(**) Качать ребсѣзка.

2.

Дубъ на дуба похилився :
 Коникъ на Козака засмутився :
 «Ой коню мѳй, колю смутный, невеселый,
 Чомъ ты до мене, коню, не говоришь?
 Чи ти докучило сѣдло моє,
 Чи ти докучила зброя моя,
 Чи я ти докучивъ Козакъ молоденькій?
 «Ни ми докучило сѣдло твоє,
 Ни ми докучила зброя твоя,
 Ни ты ми докучивъ Козакъ молоденькій ;
 Но ми докучила корчма твоя :
 Ой куда ѣдешъ кормы не минаешъ,
 А куда ходишь — ѣжъ, пьешъ, гуляєшь,
 А о менѣ воронъ коня твого тай недбаешъ,
 А до горы ѣдешъ — подтынаешъ,
 А якъ съ горы ѣдешъ — не стримасишь,
 Черезъ луги ѣдешъ — неопасаешъ,
 Черезъ Дунай пливешъ — не назоваешъ.

Прим. Стримати (Нѣм. trennen, отдѣлать) прогать, удерживать, см. собран. этихъ пѣсенъ № 7 — въ Малор. отдѣленіи.

3.

Ой за горою за високою,
 Тамъ сидитъ голубъ и съ голубкою,
 Ой сидятъ они тай цѣлуются,
 Сивыми крыльцями обѣймаются ;
 Надлетѣвъ орелъ съ черной хмары :
 Розбивъ, роздгнавъ голубы изъ пары ;
 Забивъ голуба тамъ на ровнинѣ,

Розливъ кровь его по всей долинѣ ;
 Голубка сидитъ жалѳбно гуде,
 Шо вже съ голубомъ жити не буде.
 «Сива голубко, въ щожъ ты дуфаешъ,
 «Чи не на вроду, шо красну маешъ?»
 «Шожъ ми по уроду, по молодости,
 Коли не маю ни съ кѣмъ милости.»
 «Ой маешъ бо ты сѣмъ паръ голубѳвъ,
 Выберай собѣ, который ти любый.»
 «Ой най-же буде двадцять и чтири,
 Нема такого, якъ мѳй бувъ милый!»

Прим. Дуфати (Нѣм. dulden) тосковать.

4.

«Ой Романе, Ромапоньку,
 Пусти мене до домоньку,
 Моя мати не родная,
 А я дѣвчина бѣдная,
 Буде бити, волочити,
 Нима кому боронити.»
 Отъ знай, дѣвчи, якъ сказати,
 Якъ ся трафитъ постояти :
 Мене гуси попередили,
 Воду мени сколотили,
 Я-годинку постояла,
 Намъ ся вода устояла.

Прим. трафити (Нѣм.) случиться. См. Малор. пѣсен. № 11.

5.

Ой у полѣ нивка,
Сама материнка,
Тамъ дѣвчина жито жала,
Сама чордобрѣвка.
Вхавъ Козакъ дорогою;
«Помагай-Бѣгъ, жечче!»
Она ему вѣтповѣла:
«Бодай здоровъ сердце.»
А вже тая слава
По всимъ свѣта стала,
Шо дѣвчина Козаченька
Серденькомъ назвала.

6.

Гей вхавъ Козакъ въ Украйны, въ Украйны,
Падыбавъ дѣвчину край долины, край долины,
Край долины, край дороги,
Бѣлы руки, бѣлы ноги,
Край долины, край дороги, край дороги,
«Ахъ ты дѣвчино, розлуко моя, розлуко моя,
Да повѣдь-же менѣ, якъ тобѣ имя, якъ тобѣ имя?»
«Богъ мя создавъ дѣвчиною,
Пѣнь мя назвавъ Кулиною,
Дѣвчиною, Кулиною, Кулиною,
Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мѣй, ты пане мѣй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде повѣдь твоѣй, да повѣдь
твоѣй?»
Не журися, ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,

Есть тамъ въ полѣ коня много,
Якъ злопаемъ — то повѣдемъ,
Не злопаемъ — пѣшки пойдѣмъ.
Тра рарай,
Руки дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого!»
«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мѣй, ты пане мѣй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде обѣдь твоѣй, да обѣдь твоѣй?»
«Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Есть тамъ въ полѣ саламаха,
Козацькая завертаха,
Тра рарай,
Руки дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»
«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мѣй, ты пане мѣй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде посагъ твоѣй, да посагъ твоѣй?»
«Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Посаджу ты за пѣль-рамы,
Обдарю ты тороками,
Тра рарай,
Руку дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»
«Ахъ ты Козаче, ахъ ты пане мѣй, ты пане мѣй,
Да повѣдь-же менѣ, якій буде нѣчлѣгъ твоѣй, да нѣчлѣгъ
твоѣй?»
Не журися ты дѣвчино,
Ты Кулино, ты небого,
Есть тамъ въ полѣ травы много,
Постелимъ си пѣдь собою,
Тра рарай,
Руку дай,
Ты Кулино, ты небого, ты небого.»

7.

Гей летѣла зазуденька по Украинѣ,
 Гей ронила сивы перья по долинь;
 Ой якъ тяжко сивымъ перьямъ по долинь,
 Ёще тяжче сиротолицѣ на чужинѣ.
 Ходить голубъ надъ водою гукаючи,
 Своей милой голубеньки шукаючи:
 «Та чи спиць ты, сердце моё, та чи чуешь,
 Чомъ до мене, сердце моё, не говоришь?»
 «Якъ я маю, сердце моё, говорити:
 Лежить нелюбъ на ручонцѣ, буде бити.»
 «Ой вѣтсунься, сердце моё, вѣтъ нелюба, —
 Застрѣлю нелюба зъ лука — якъ голуба.»
 «Ой ти забьешъ, сердце мое, чи не забьешъ,
 За все ты сердцю моему жалю додасешъ.»
 «Покинь отца, покинь маму и всю родину,
 Иди съ нами Козаками на Украину:
 На Украинѣ суха рыба и съ шафраномъ,
 Будешъ жити за Козакомъ якъ за паномъ;
 А на Польщѣ суха рыба и съ водою,
 Будешъ жити съ вражимъ Ляхомъ якъ съ бвдою.»

8.

Да теперъ пѣчка
 Та темная,
 Та дороженька
 Та далекая.
 Ой припну коня
 Коло калипочки,

А самъ ляжу спати
 На край могилочки.....
 Де тамъ дѣвчина
 Молода ся взяла,
 Ударила Козака
 Тай такъ промовляла:
 «Ой встань, Козаче,
 Ой встань, годъ спати!
 Наступає горда,
 Хоче коня взяти.
 Та коня возьмутъ,
 Та конь другій буде;
 Тебе порубають.....
 На свѣтъ nebude!»

9.

Хорый Козакъ, хорый Козакъ, видай хоче вмерти:
 «Ой идите приведите дѣвчину до смерти.....»
 «Ой видай ты, козаченьку, не въ правдѣ вмираешъ,
 Шо ты собѣ передъ смертю дѣвчину жедасешъ!»
 Умеръ Козакъ, умеръ Козакъ и *Козачья мова*,
 А лешався конь вороний и ясная зброя.
 Ой сѣшлися Козаченьки до одной хаты,
 Ой сѣшлися Козаченьки, кому коня дати.
 Сотникови коня дати, Гетьманови зброю,
 Шобъ позволявъ поховати Козака съ стрѣльбою.
 Тѣло везуть, коня ведуть, конь головоньку клонить,
 А дѣвчина за Козакомъ бѣлы ручки ломить,
 Ломить ручки, ломить ручки и мизельны пальци:
 «Ахъ вже-жъ нема и не буде такого коханья!
 Чомусь менѣ моя мати, рано несбудила,

Коли его компанія съ мѣста выходила?
 «Для того ты, моя доню, рано не будила,
 Любила-сь якъ компанчика, що-бысь не тужила.
 Подавися, моя доню, въ вышнюю кватыру,
 Спускаються козаченьки съ горы на долину.....»

Прим. Мова — разговоръ, рѣчь, компанія (Фр.) рота.

10.

Сидитъ Козакъ на могиль, тай думку думае,
 На Украину поглядае, тяженько вздыхае:
 А ни вѣтеръ ни мѣ, ни сонце не грѣе,
 Ено краємъ край Дунаю трава зеленѣе.
 Высока могила съ вѣтромъ говорила:
 «Не вѣй вѣтре буйнесенькій — щобъ-мъ не чорпѣла!»
 «Бодай тая рѣчка шуваромъ заросла,
 Що мене молодого съ чужій край занесла;
 Бодай тота рѣчка рыбокъ не сырдила,
 Що мене молодого съ милою розлучила.»
 Тамъ на горѣ рѣченька, на рѣченьцѣ кладка,
 «Не покидай, мой миленькій, старенького батька:
 Якъ батька покинешь, жаренько загинешь,
 Быстренькою рѣченькою на Дунай поплинешь,
 И весельце сыгубишь, будешь потопати,
 Я у влодѣ не змогу бѣлу ручку дати!»

11.

Ей шовъ я дорогою,
 А мой голосъ та дубровою,
 Перекажу до родины
 Черненькою та вороною.

Ни родины зъ Украины,
 Ни чорновькій да вороновькій;
 Ей вже менѣ та докучила
 Да чужая сторонька.
 Ей ту въ чужій стороньцѣ
 Назвали мя заволокою,
 Кажуть менѣ рѣку плести,
 Широкою да глубокою.
 Якъ-же юю перебути,
 Якъ ю переплинути?
 Проси Бога, дѣвчинонько,
 Що-бы въ водѣ не загинути.

12.

Гей хороша молодичка моргала на мене,
 «Покинь, покинь молотити, та ходи до мене!»
 «Ой не пойдю, бо ся бою, маешъ чоловіка,
 Якъ ми съловить, буде бити събавить менѣ віка.»
 «Прийди, прийди, гожий хлопче, хочий на годину,
 Я старого бородача пошлю до калину....
 Поѣди старый бородастый калину ломати,
 Бо я такой кашель маю, шо трохи нестигну.»
 Пошловъ старый бородастый калину ломати,
 Ой привела молодого зе снѣй до хаты,
 Сѣвъ вѣнъ собѣ въ коонецъ стола, курку оберае,
 Хорошую молодичку къ собѣ пригортае.
 «Выйди, доню, на улицу, тата вызирати,
 А якъ буде вже близенько, давай менѣ знати.»
 Выйшла доня на улицу, въ бѣлы ручки плече:
 «Гудай, гудай, моя мамо, не йде тато ещѣ.»
 Погляну сл въ кватироньку вже старого видко:
 «Увивайся, гожий хлопче, коло курки швидко!»

Поглянуся въ кватироньку, старый же близенько :
 «Ахъ де-жь я тебе подвну, ты моё серденько?
 Сховаю тя, мой миленькій, подъ бѣлу перину
 Сама лигну на постель, тай скажу шо гину.....»
 Прійшовъ старый бородастый съ калиною до хаты,
 Якъ стояла, такъ упала, займила стогнати :
 «Ой йди старый бородастый, купи мещъ меду,
 Бо щось мещъ тяжело, нудно, головки не съведу.»
 Пôшовъ старый бородастый меду куповати :
 Гей, вывела молодого до снѣй изъ хаты.
 «А я клопецъ суховатый въ своего битька вдався!
 Пизомъ, пизомъ, по подъ плôты, въ конопля сховався!»

13.

Ой стукнуло въ буйномъ лѣсѣ,
 Комаръ съ дуба повалився,
 И стовкѣ собѣловице,
 О дубову коренище.
 Вылетѣла муха съ хаты
 Комаронька ритовати :
 «Ой комарю, господарю,
 Жаль ми тебе не помилу!
 Де сл скажешъ поховати
 Кости твои шановати?»
 «Поховайте-жь мене въ лѣсѣ,
 Въ буйномъ лѣсѣ, при горосѣ;
 Посвѣте на мяѣ руточку,
 Съ зеленого барвиночку;
 Кто ту ругу буде рвати,
 Буде мене споминати :
 «Ой тутъ лежить комарище

Той великій гумтяище,
 Не одному гравъ на носѣ,
 Теперь тѣло его въ просѣ,»
 Ой ду, ду; ду, ду, ду, ду, ду,
 Комаренька не забуду :
 Ой тутъ лежать его тѣло
 Шо вчера съ дуба сълетѣло.

14.

Ой дѣвчино красна,
 Де ты воли пасла?
 Подъ дубками,
 Съ паробками,
 Де травица красна.

15.

Вôтхило я нову кватирочку,
 Подивлюся въ мѣстѣ по рыночку,
 Тамъ мой милый по рыночку хôдите,
 Кониченька за поводы водить,
 Въ Гетьмана сл вôтиравоньки просить :
 «Пусти мене, мой пане, до дому,
 Бо тамъ тужить дѣвчина за мною!»
 «Ой не такъ она, та якъ-же ты тужишь,
 Не пуцу ты, ажъ року дослужишь,
 Кажу тебе въ кайданы ковати.»
 «Не куй мене, мой пане, въ кайданы,
 Окуй мене до вдовій до хаты,
 Бо въ вдовы медѣ, горѣвка въ хатѣ,
 Буду вдовинѣ мѣдѣ, горѣвку пити,
 Ще до того дѣвчину любити.»

16.

«Ой дай же Боже недѣловьки дождати,
 Ой пошлюжь-бо я до дѣвчиновьки въ сваты;
 Ой дѣвчиновька сътыхонька промавляє,
 Мисне молодого якъ по серденьку крає;
 Ой чи не будешь дѣвчиновька тужити,
 Якъ я повду на Украинну сдужити?»
 «Ой не буду Козаченько не буду,
 Ено ты за вѣрота, я тебе забуду.»
 Ено взявъ Козакъ за браму выѣжджати,
 Взяла дѣвчица бѣлы ручки ломати;
 Ой взявъ Козакъ на тору выѣжджати,
 Взяли дѣвчину на вѣтеръ подѣймати;
 Ой ставъ Козакъ дай съ горы ся спускати,
 Взяли дѣвчину водою вѣтмивати;
 Ой взявъ Козакъ дай черезъ Дунай плести,
 Пѣшли за Козакомъ дай частенькѣи листы:
 «Ой вернися Козаченьку до дому,
 Вырадаивъ ты дѣвчиновьку до гробу!
 Ой въ него дорога, а въ мене другая,
 Ой головочко-жь моя, головочко несчастная!
 Ой я гадала, що це буду тужити,
 Прийде ще съ туги головою наложити.»

17.

«Ой де ймемо спати, дѣвчино моя?»
 «Ой подъ сосною, подъ зеленою,
 Мѣй нелюбе съ тобою.
 «А що мы собѣ постелемо, дѣвчино моя?»
 Ой постелеться намъ трава-мурава,
 Мѣй нелюбе съ тобою.

«А що насъ окрыє, дѣвчино моя?»
 Окрыє насъ нѣчка темненька,
 Мѣй нелюбе съ тобою.
 «Що насъ пробудить, дѣвчино моя?»
 Ой пробудить насъ пташка дробненька
 Мѣй нелюбе съ тобою.
 «Чѣмъ-же мы ся вмыємо, дѣвчино моя?»
 Ой вмыенся ты россою, я слезою
 Мѣй нелюбе съ тобою.
 «Що-жь мы ймемо посьнѣдковати, дѣвчино моя?»
 Ой ты ягдоньки, а я слезеньки,
 Мѣй нелюбе съ тобою.
 «Де-жь мы ся розойдемо, дѣвчино моя?»
 Ой ты до бѣса, а я до лѣса,
 Мѣй нелюбе съ тобою.

18.

Бувай здоровъ, Лицькій краю,
 Вже-жь я тебе покидаю;
 Пѣду я на Волощину,
 И тамъ я не загяпу;
 Въ Волощину добры люде
 И тамъ менѣ гараздъ буде,
 И тамъ люде не Татары,
 Зараздъ менѣ раду дали.
 Туманъ, туманъ по ланинѣ,
 Широкий листъ на калинѣ,
 А ще ширшій на лворѣ, —
 Де-сь ми мила на размовѣ;
 Зпати о мене не дбає,
 Но съ иншыма розмовляє.

Сойди хмаро съ Полонины,
 Прийди мила изъ чужины;
 Въ Полоницѣ огонь горить,
 Мою милу душа болить;
 Не такъ милу дя якъ мене,
 Шо не сидить коло мене.
 Домивъ сердце, домивъ,
 Сьбавила-жъ ми мила волѣвъ.
 «Ще ты сбавлю, милый, коровъ,
 Тогдѣ бувай лобко, сдоровъ.»
 «Ой ты мила, не журися,
 Я ще молодъ, не женюся;
 Якъ я буду женитися,
 Прошу мила дивитися,
 Скажи тебе запросити,
 Въ коонецъ стола посадити,
 И горѣвки пакурити,
 Тебе мила зпросити.»
 «Твое пиво мечь, диво,
 А горѣвка твоя гѣрка:
 Твои братья говорили,
 Щобъ мы ся не сходили;
 Твои сестры розрадили,
 Шо-бы мы ся не любили,
 Твоя мати чаровница
 Великая розлучница:
 Розлучила камень съ водою,
 Розлучила мене съ тобою.»

19.

На широкѣмъ Дунаю,
 Недалеко вѣтъ краю,

Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопас:
 Просить вѣтъ рятунку:
 «Рятуй мене батеньку,
 Бо я молодъ Козакъ потопаяю!»
 А батенько до човна,
 А ни човно, ни весла:
 «Ой загинешъ мой сыноньку, загинешъ.»
 На широкѣмъ Дунаю,
 Недалеко вѣтъ краю,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопас:
 Просить вѣтъ рятунку:
 «Рятуй мене матеньку,
 Бо я молодъ Козакъ потопаяю!»
 А матенька до човна,
 А ни човна, ни весла:
 «Ой загинешъ мой сыноньку, загинешъ.»
 На широкѣмъ Дунаю,
 Недалеко вѣтъ краю,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопас:
 Просить вѣтъ рятунку:
 «Рятуй мене братеньку,
 Бо я молодъ Козакъ потопаяю!»
 А братенько до човна,
 А ни човна, ни весла:
 «Ой загинешъ мой братеньку, загинешъ.»
 На широкѣмъ Дунаю,
 Недалеко вѣтъ краю,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопас:
 Просить вѣтъ рятунку:
 «Рятуй мене сестреньку,
 Бо я молодъ Козакъ потопаяю!»
 А сестренька до човна,
 А ни човна, ни весла:
 «Ой загинешъ мой братеньку, загинешъ.»

На широкомъ Дунаю,
 Недалеко вѣтъ краю,
 Ахъ тамъ молодъ Козакъ потопае:
 Просить вѣтъ рятунку:
 «Рятуй мене миленька,
 Бо я молодъ Козакъ потопаю!
 А миленька до човна,
 Вже е човно и весло:
 «Ой не сгинешъ мой миленькій, не сгинешъ.»

20.

«На Украинѣ всего много, и наши и браги,
 Леше шо тамъ Ляхи стоять, Козацкіи враги;
 На Украинѣ всего много, меду и горѣвки,
 Дѣвки красны, молодици, а вси чернобрѣвки;
 На Украинѣ молодици, шо въ червонѣхъ ходять,
 Полотняныхъ не видають, бо ихъ сами робить.
 Ты дѣвично, шо ты робишь, сорому не маешъ,
 Чомъ Козакѣвъ, а не Ляхѣвъ, вѣрне не кохаешъ?»
 «А шо-жъ тое лихо робить, старенькая мати, —
 Гнала менѣ вѣтъ Ляшовька до самой хаты!
 А у Ляха вершокъ низкій, широки опушки,
 Скоро Ляха зибачила, приставъ ми до душки.»

21.

«Помогай-Богъ вамъ,
 Чи ради вы намъ?
 Ой чи рады, чи не рады,
 Помогай-Богъ вамъ!....»

«Бодай здоровъ свату!
 Замкни жѣнко хату,
 Подай держакъ отъ лопаты,
 Свата привѣтати...»
 Жѣнка поспивнае,
 Хату замыкае,
 А порвавши за коцубу,
 Сватонька вѣтае.
 «А сватъ за чуприну,
 Вѣтай вражій сыну!»
 «Пусти свату не жартуй,
 — Бо ти въ рукахъ стину.
 Не жартуй же свату:
 Бо сломишь лопату:
 Воли-жъ горѣдоньки дати,
 Свата привѣтати....»
 Сватъ того не чуе,
 Охочо грахтуе:
 То кулакомъ по губахъ,
 То держакомъ по зубахъ.
 «Шо тобѣ ся стало,
 Чи тебе напала?...
 А я твоѣй жѣнки сватъ,
 А наймита твоего братъ.»
 «Най ты чортъ не носить,
 Де ты кто не просить;
 Де ты просятъ — не вчащай,
 Де не просятъ — не бувай!»

22.

На дорозѣ калюжа,
 Я робити недужа,

Коби скрипки, цымбалы,
Тсби ножки скакали.
Ой свѣвъ зажурился,
Шо съ малою оженился;
«Не журился, мой Андрѣю,
Пѣдросту я за недѣлю.

23.

Румянь поле покрывае,
Де Козакъ ся проезжае;
Ой выйхавъ край молилы,
Край могилы Верховины:
«Ты могило, Верховино,
Чомусь рано не горѣла?»
«Ой я рано не горѣла,
Бо-мъ кровцѣю обкипѣла.
«Ой якою?» — «Козацькою,
Половину и съ Лицькою.»
Ой йдутъ Ляхи на три шляхи,
А Козаки на четири,
А Татарѣ поле вкрыли;
За Татарми возы идутъ,
За возами конь Турецкій,
На тымъ конѣ сынъ Козацькій,
Правою рукою шаблю хопле,
А съ той шабли кровця капле.
Иде мати, ревно плаче,
Своимъ жатьемъ проклинае,
Свого сына не познае.
Сидить воронъ надъ скалою,
Похитуе головою:

«Ой я твого сына знаю,
Три разъ на день попась маю,
Со лба очи выбираю;
Иди стара до домочку,
Вѣзьми пѣску въ праву ручку,
Поставь его въ городочку,
Якъ той пѣсокъ въ гору сойде,
Тогдѣ твой сынъ до ты прійде.»

ПѢСНИ ОПРИШКОВЪ,

или

КАРПАТСКИХЪ ГОРЦОВЪ.

24.

На високомъ полодонцѣ изродили рыжки,
Да чи подемъ, пане брате, на веснѣ въ опришки?
А вробимо топорчики да съ самои стали,
Да не покличмо мы никого, подимъ-ко мы самы;
А вробимо топорчики да съ самои мѣди,
Якъ наскочимъ у вѣконцѣ, ти зазнаемъ бѣды. (*)

(*) Половинами называються у Карпатцѣвѣ — высокія горы, Альпы;
выраженіе «наскочимъ у вѣконцѣ» — есть ли пойдѣмъ разбойничать.

«Ой нехтявъ я, побратѣмку, жидовську дѣтицу,
 Да ще я, побратѣмку, за ню незагину,
 А ймутъ ровты (*) избираты, за нами гонити,
 А мы будемъ съ Файновъ любковъ мѣдь, горѣвку пити;
 Будуть ровты избирати, а ймутъ насъ шукати,
 А мы будемъ съ Файновъ любковъ пити да гуляти.»

.....
 «А шобъ ты, мой миленькій, такой веселенькій,
 Якъ у лѣтъ въ Черногорѣ вѣтеръ студененькій.»
 «А шобъ ты, моя мила, така веселенька,
 Якъ у лѣтъ въ Черногорѣ вода студененька.»
 «А шобъ ты, мой миленькій, тогда оженився,
 Якъ у морѣ на каменѣ тытень уродився.»
 «А шобъ ты, моя мила, тогда вѣтдалася,
 Якъ у морѣ на каменѣ роса розвилася.»

25.

А що у тѣй Черногорѣ за вороны кони?
 Ходимъ брате, въ гайдамаки, чуемъ за червони....
 Ой и чуемъ за червони у Пана молодого,
 Да якъ бы ихъ та ужити съ двора головного? ..
 Ой и знаю, пане брате, якъ бы ихъ ужити,
 Молодого того Пана до стѣны прибити,
 Ой прибити руки, ноги, ще мѣжи плечима,
 Шо-бы вѣтъ ся на насъ дививъ чорными очима.»

26.

Заковала ми зазулька та на перелетѣ,
 Присягала дѣвчинонька да на цистолетѣ;

(*) Роты.

Присягала, присягала, гадочку гадала:
 Шобы того цистолетко кули розметала
 Да що я-такъ молоденька на нѣмъ присягала.

27.

Заковала зазуленька, заковала жовта,
 Съдогонила Легиникѣвъ (*) на Речетѣ ровта,
 Але ишли Легиники, да все помогали,
 Якъ учули да ровтѣчку внѣ ся розлетѣли;
 Але ишли Легиники, самы побратѣмы (**),
 Одинъ упавъ у негоду, вси его лепляли.
 Але ймѣли да Пилипка за бѣлы рученьки,
 Да узли да Пилипка до неводѣченьки,
 А замкнули да Пилипка у желѣзны свѣрни,
 Да узли да Пилиповѣка до самыи Надвѣрнѣ.
 Якъ я собѣ поворожу воскомъ на порозѣ,
 Да чи правда шо имѣли Пилипка у дорозѣ;
 Якъ я собѣ поворожу на ярѣи пшепицѣ,
 Да чи правда шо губили Пилипка въ вѣзницѣ?
 Опи его да губили за топорецъ ясний,
 А люде ся дивовали — якій-же вѣтъ красный,
 Ой люде ся дивовали — якій вѣтъ хорошій;
 А Паны ся чудовали — кѣлько мае грошѣй!
 Не пасе вѣтъ чтыри роки, ни козы, ни вѣзци, —
 Лише прятавъ у кобѣвку бѣлы сороковци.

Прим. Але. (Нѣм. Allein.) — но, однако; лишити (ст. Русское) отка-
 заться, отчуждаться; Пилипко — Филитъ; кобовка — мѣшечекъ, кагита;

(*) (Венгер.) Молодецъ, Гайдамакъ (здесь г выг. какъ g).

(**) Побратими — друзья, давши клятву — жить и умереть вмѣстѣ.
 Въ Малороссіи, въ старину, для вступленія въ побратимство соблюдал-
 ся обрядъ, при которомъ вступающіе въ сей союзъ, цуцали кровь изъ
 мезиннаго пальца, смѣшивали ее съ молокомъ — и выпивали вмѣстѣ;
 вроятно, этотъ обычай существуетъ и у Карпатскихъ Горцевъ.

гроши — деньги; бѣлы сороковци — какал-то серебряная Австрійская монета. Къ сожалѣнію, въ собраніи пѣсень Галицкихъ, Г. Вацлава, помѣщены четыре только пѣсни, гайдамаковъ Карпатскихъ.

КОЛОМІЙСКІЯ ПѢСНИ.

Между простолюдинами Червоной Руси, въ большой славѣ находятся, такъ называемыя Коломійскія пѣсни; онѣ, подобно Польскимъ Краковьякамъ, соединяютъ краткость, остроту, и, перѣдко пѣютъ прекрасные голоса, — въ нихъ виднѣнъ весь насмѣшливый характеръ Малороссіянина, которому въ злополучной godzinѣ, осталось одно утѣщеніе — сарказмъ. Округъ Коломійскій, находится въ южной Галиціи между Днѣстромъ и Прутомъ; это древняя Бакотія, бывшая одною изъ богатѣйшихъ провинцій Галицкихъ Князей, изобильная солью и естественными произведеніями; въ послѣдствіи она называлась Покутією. Вотъ образцы Коломійскихъ пѣсень:

28.

«Ой чого ты поскрипуешь, ты ядлова хато?»
Нема добра въ нашѣмъ селѣ — бо Панѣвъ богато.

29.

«Повѣй, повѣй, буйный вѣтре по высокій горѣ,
Да розчеси кучеряки (*) по моѣй головѣ.»
Хочъ я буду да по горѣ высокій вѣяти,
Таки треба кучеряки гребенемъ чесати.

30.

Якъ идете хлопци въ танецъ, берить рукавици:
Маты стоять якъ коровы, — дочки якъ телици.

31.

Ой по́ду я на ярмарокъ, ей того уньюся,
Покажу вамъ тыи штуки — що перевернуся.

32.

«Чоловче бѣсноватый! нащо жѣнку продавати?»
Ой видить самъ Господь съ неба, на податокъ (**) гроши
треба.

33.

Верни мои подарунки, верни мои гроши,
Твоя мати говорила, що я не хорошій!

34.

Ой ишовъ я черезъ село, та ми було стыдно:
Несу курку по́дъ полою, а ій хвостикъ видно.

(*) Мал. кудри.

(**) Подать.

35.

На що-жь тобѣ, пане брате, торбину двигати,
 Лише тобѣ, пане брате, людѣй розбивати;
 Чи знаешъ ты, пане брате, що будемъ дзяти?
 Вырежемо песьохъ врагѣвъ, будемъ пановати;
 Чи видишь ты, пане брате, за лѣсомъ могила?
 Чи ты умрешъ, чи повиснешъ (*), разъ мати родила.

36.

Ой не кури, Вуйку, мольку, въ моѣй хатчинѣ,
 Не выкури очи чорны молодой дѣвчинѣ.

37.

Ходить воликъ до надъ Дунай сумпенко бориче:
 «Выйди, вийди дѣвчинонько, бо ти хлопень клыче.»
 Ой не вийшла дѣвчинонька, спо ей мати:
 «Кому треба моѣй дѣньки, пай иде до хаты!»

38.

Не видавсь, пане брате, видай наши бѣды,
 Яке лихо въ нашѣмъ краѣ спробовати по́ди,
 У насъ кажда неборакъ вѣсть безъ хлѣба рака,
 И недѣля и пятниця у насъ все еднака.
 А мы лиха не знаемъ хочъ и вчужимъ дому,
 Не кланяемъ за грѣшъ, ни за хлѣбъ никому,
 Бо масмо подостатокъ и вѣсти и пити,
 А якъ съ гульки до домоньку, есть де вѣточити.

(* На висѣлицѣ.

Мы по́въ рока доберемъ, въ нѣмъ осмакъ снайдемо
 Кусокъ хлѣба не знайдемо, якъ до домъ прійдемо;
 А якъ який грѣшъ заробимъ, мицется въ дорожъ,
 А пришовши до домоньку, лихо на порожъ.

Мы хорошо прибраши, вѣсти, пити — цого
 Хорошенько ходимо не знавши работы;
 Нехай робять тарлаки, мы о томъ незнаемъ,
 Намъ посяють, намъ сберуть, а мы нашу маемъ.

Я пришовши изъ дороги, тупчу коло хаты,
 Жѣнка кричить и не дае до себе пристати:
 «По́ди, по́ди сагано, прошивесь худобу,

А я по́ду на Украину съ дѣтьми на свободу.

Ты сълякався кочерги, тай утѣкъ вѣтъ жѣнки.
 «Мы хороши Козаки впали межн стѣнки;
 Не боимся ни Ляховъ, ни Лянькой шаты,
 Якъ пась схогять спомогити — утекнемъ до хаты.»

43.

Вотъ еще другая пѣсня, кажется, одного происхожде-
 ния съ Русскою. Галицкій Цюра есть дурачекъ Киршы
 Данилова, въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, из-
 данныхъ Г. Каладовичемъ.

Бхавъ Цюра изъ Варшавы,
 На нѣмъ сили шаравары,
 И канчукъ у бока,
 Не боится мужика.

Бѣда Цюру искусила,
 Що вонъ вступивъ до Русина,
 Въ него папки не снявъ,
 Помогай-Бо́гъ не вѣтдавъ.

«Подай мѣя жѣнко бучка,
 Тенерь буду вчити брѣтка
 Помогай-Бѣгъ давати,
 Въ домахъ шапку сдѣймати.»
 Порвавъ Цюра за чуприну:
 «Тенерь знасишь, сучій смну,
 Помогай-Бѣгъ давати,
 И шапку изняти.»
 Иде Цюра дорогою,
 Ажъ тамъ плыне гусь водою:
 «Помогай-Бѣгъ бѣма гусь!
 Навчила мя здѣшня Русь.»
 Вѣгнцовъ Цюра вѣтъ гуси,
 Ажъ тамъ бѣжить медвѣдь куцый;
 Що то Русинъ Цюра думавъ,
 Шапочку снявъ, помогай-Бѣгъ давъ.
 Медвѣдь думавъ шо то лиравъ,
 Тай Цюръ голову обѣрвавъ,
 И не оставивъ его на дорозъ,
 Но потащивъ въ бѣлы лозы.
 Прибѣгла ласка да ему каже:
 «Ой встаць, Цуро, не лежи,
 Ой встань, Цуро, не вмѣрай,
 Ещѣ со мною поиграй.»
 Идутъ куцци изъ Варшавы,
 Взяли его поховали,
 Лежить Цюра въ дубинѣ:
 Не кланяється дурнищѣ.

44.

Ой пѣдь лѣсомъ, дубиною,
 Косивъ ячмень сокирою,
 А дѣвчина громадила,

Козаченька принадила:
 «Ой Козаче черновусый,
 Чомъ у тебе жупанъ куцый?»
 — Меце дѣвки пѣдповял,
 Жупанъ мѣнъ пѣдкроили.

45.

Ой темна, темна, ой та невдаленька, та пане брате, пѣчь,
 нѣчь,
 Ой полетѣла сива голубонька та вотъ голубонька прѣчь,
 прѣчь;
 Ой летить, летить сива голубонька та лѣсами, горами,
 Ой сдѣбається сива голубонька та съ сивыми соколами:
 «Ой чого, чого сива голубонько та ранецько лѣтаещъ,
 Ой лебонъ-же ты сива голубонько, голубонька покидаещъ?»
 Ой — покидаю сивого голубка и дробненькїи дѣти,
 А сама лѣчу, сама полѣчу мешканенька глядѣти.
 Ой у недвѣлючку дуже ранецько, якъ по стало свѣтати,
 Ой полетѣвъ-же сивый голубонько голубоньки шукати;
 Ой летить, летить сивый голубонько та лѣсами, горами,
 Ой сдѣбається сивый голубонько та съ сивыми соколами:
 «Ой чого, чого сивый голубоньку, голубоньки шукаещъ;
 Ой бо та-жъ, бо та-жъ сива голубонька та набралася пуду,
 Ой якъ стрѣснула сивыми крыльцями ажъ за Дунай-воду.»
 Ой полетѣла сивая голубонька за Дунай-воду пѣти,
 Ой тамъ за пѣю сивый голубонько, та ставъ съ нею говорити:
 «Ой помогай-Бѣгъ, сивая голубонько, ой ты миленька моя!»
 — Ой бодай здоровъ, сивый голубоньку, — та вже я не твоя. —
 Ой летѣвъ, летѣвъ сивый голубонько та свѣвъ собѣ на куццѣ:
 «Ой прилети жъ, моя сивая голубонько, та будемъ жити въ
 куццѣ!»

Ой летѣвъ, мѣтѣвъ сивый голубонько та сѣвъ собѣ на рѣльцѣ,
«Ой не вѣрѣ, не вѣрѣ сивой голубонцѣ — та якъ челоуцькѣ
оженцѣ.»

46.

Якъ я буда молода,
Була въ мене урода;
А теперь я уроду
И въ зеркалѣ не найду.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати,
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дѣждати.
Пѣду фарбы накуплю,
Лице собѣ побѣлю;
Чи не найду такого,
Що полюбить мя много.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати;
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дѣждати.
Припну фартухъ дорогій,
Золотыи береги,
А срѣбная середина:
Чи не красна я дѣвчина?
Гей, гей, докучило бровоньками моргати;
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дѣждати.
Возьму шубу съ аксамиту,
Соболями пѣдшити,
Золотыи галѣны,
А срѣбныи запоны.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати,
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дѣждати.
Чобѣточки съ сафьяну,
За сѣмъ золотыхъ дѣстану,

Да выкрешу голубця: (*)
Чи не слаблю молодца.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати;
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дѣждати.

ПАСТУШЕСКІЯ ПѢСНИ.

47.

Пѣшли вѣвни въ полонинку писаною колѣєю:
«А хто васъ йметъ вынаести якъ я ся оженю?»
Идутъ они ся самы пасти, самы вынаести,
За вѣвчаремъ золотаремъ у край позирати.
Ой вѣвчарю золотарю, покинь вѣвци пасти!
«Непокину хоть зарвну, я ся не вѣвѣв красти;
Украѣь бы я два баранди, а третю ягницю,
Воны на мене бѣь сбудоуали нову шубиницю.»

(*) Иначе: буду танцовать голубца. Это, какъ видно, новейшая пѣсня; подобныхъ въ огромномъ сборникѣ Г. Вацлава, находится весьма много. Предѣлы моего собранія не дозволяютъ здѣсь помѣстить ихъ. Можно сказать, что въ Галиціи народная пѣсенность процвѣтаетъ во всемъ блескѣ; многочисленностью своихъ пѣсеней, разнообразіемъ ихъ содержаніемъ, превосходными голосами, Червонорусцы берутъ преимуущество, въ этомъ отношеніи, предъ всеми Славянскими народами, и едвали не могутъ состязаться съ Итальянцами и Испанцами. Во Львовѣ непрерывно выходятъ новыя собранія Червонорусскихъ пѣсенъ съ полами. Честь и слава нашимъ славянолюбцамъ!

48.

Пѣшли вѣвци въ половинку сами блѣнькѣи ,
 А за ними вѣвчарикѣи сами молодѣи :
 «Ой чому вы вѣвчарикѣи та не спѣваєте ,
 А де свои спѣваночки да подѣваєте?»
 Ой мы свои спѣваночки подѣнемо , подѣнемо ,
 Въ полонцѣ съ овечками на швару поспѣємо ,
 Мы поспѣємо спѣваночки довгими нѣвами ,
 Будемъ ся умивати дрѣбными слѣзами :
 А ймутъ туда вѣвчарикѣи съ овцами ходити ,
 Будуть наши спѣваночки любви находити ;
 Ймутъ за ними вѣвчарикѣи тай овечки пасти ,
 Будуть наши спѣваночки за капелюхъ (*) класти.

49.

Чи ты мене вчаровала , чи трутѣвки дала ,
 Ой що-жъ бо ты мене розумъ совсемъ вѣтобрала ?
 Ходжу , нуджу гукаючи , говорю съ собою :
 Чи тужнѣть ты такъ за мною , якъ я за тобою ?
 Заковала зазуленька по пѣдъ небесами ,
 Заплакавъ-же Ивасенько двома голосами :
 Лицо твоѣ румянос краснѣйше надъ рожу ;
 Я ти бѣднѣй , молоденькѣй забути не можу .

(*) Шапка съ длинными ушами ; также мѣшокъ , кашпировъ , въ Малороссійскомъ кобзѣнствѣ .

ПОМИНАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

=

50.

Хора я хора , мусить я умру ,
 Идѣть-же привести , кого я люблю ,
 Приведѣть-же ми поца , привести ми дяка ,
 Най я спишу худобоньку (*) за свого житѣя .
 Маю я чтери волюньки ,
 Шо-бы мене ховали чтеры поповьки ;
 А донькамъ дамъ съ щын корали ,
 Шо-бы мене положили красно на давѣ ;
 А невѣсткамъ дамъ скрыню и подушеньки ,
 Шо-бы за мною заводили — якъ ластовоньки ;
 Сынови дамъ свру корову ,
 Шо-бы мене вшпривадивъ красно до гробу ;
 А пѣдзвѣщному дамъ сѣмъ мѣрѣ полотна ,
 Шо-бы мене дзвонивъ цѣлый тыждень цѣо-дня ;
 А дякови дамъ пять мѣрѣ полотна ,
 Шо-бы мене псалтырь читавъ до дня ;
 А грабарови дамъ стару кожушину ,
 Шо-бы на мене высыпавъ велику могилу ,
 А сусѣдямъ дамъ корецъ пшеници
 Шо-бы мене споминали при пятницѣ .

(*) Худоба — пожитки .

ЗАЖИВНЫЯ ПѢСНИ.

51.

Выйди паноньку до насъ,
 Выкупъ си вѣнецъ у насъ,
 Поможи червоного,
 Вѣтъ вѣнца пологого;
 Бо якъ не выйдешъ до насъ,
 Не выкупишъ вѣнца у насъ,
 До корчмы понесемо,
 Горѣвки нашьемо,
 Занесемо до Жвѣда, —
 Буде, пане, огида (*).

52.

Казала намъ нивка,
 Шо є въ пана горѣвка,
 Въ коморѣ на полицѣ,
 Въ кристалевиій скляницѣ;
 Въ коморѣ пѣдъ лавою,
 Приросла муравою.

(*) Прозв. отъ гадкѣй — гадость.

53.

На горѣ крениця,
 Коло неї пшещиця,
 Жали їи женци,
 Та сами молодци, —
 Хлопци вусатыи,
 И дѣвки косатыи.

54.

Добра нивонька була,
 Сто конь изродила;
 Шо копа то колода,
 Панови нагорода.
 Запрягайте волю,
 Бѣте по пѣдпори,
 Сиртоньки пѣдперати,
 Вязальникѣвъ поспрашати.

55.

У нашого пана,
 Золотая брама,
 Золотая приспа,
 Сила — вязальникѣвъ триста:
 Добру доленьку мас,
 Рапо съ поли сбережає,
 Тѣлько тужаночки,
 Шо жѣнки не має.

СВАДѢБНЫЯ ПѢСНИ.

=

1.

Чорная гаменько, чорненька,
 Дежь-бо ты сокола завела?
 «Ой нигдѣ я его не вела,
 Самъ за мною летѣвъ,
 За моимъ летаньемъ тихенькимъ,
 И за перонькомъ чорненькимъ.»
 Красная Маруненько, красна,
 Де-жь бо ты Ивасенька завела!
 «Нигдѣ-жь я его не вела,
 Самъ вѣнъ за мною прѣхавъ, —
 За моимъ ходенькомъ дробненькимъ,
 За моимъ личенькомъ бѣленькимъ.

2.

Короваѣве тѣсто
 Не смѣсилоса въ мѣсто,
 Но ся вѣзмо на рынокъ,
 Зацѣмо якъ калюнокъ.
 Ой годъ, годъ пшеницѣ,
 Семъ лѣтъ въ стозѣ стояти,
 Часъ изъ тебе коровай опхати;

Ой сбере Псгруппенько (*),
 То ся тый красный удавъ:
 Подѣшва ему желѣзна,
 Обручи ему сребныи,
 А на вершочку жовтый цвѣтъ:
 Славный нашъ корова па весь свѣтъ.

3.

Пойшовъ староста въ Угорьскую землю
 Угриночку влюбити;
 Угриночку си влюбивъ,
 Господь му не присудивъ;
 Бо въ Угорьской землѣ
 Куроньки не поють,
 И свѣтъ не свѣтае,
 И соненько не сходить,
 И дробень дощъ не йде,
 И травонька не росте,
 И коникъ ся не пасс.

4.

Повхавъ староста на ловы
 Въ темныи лѣсы, дубровы,
 Тамъ его дробный дощъ нагонивъ,
 Лысыи шубоньки помочивъ.
 Ажь ся староста сдумавъ
 Учила тое сваненька:
 Не журися старостоньку,
 Я твои сукопъки посушу
 Я твое личенько прекрашу.

(*) Имя жениха.

5.

Ой просивъ Петруненько
 Слоси матеньки :
 «Ой ты матенько рѣдненька,
 Прошу я тебе,
 Не жени ты мене,
 Чай я собѣ погуляю,
 Якъ та рыбка по Дунаю!»
 Гулявъ ты сымоньку
 На одну зимоньку;
 Часть тебе оженити,
 Людьми постановити.

6.

Грѣшнула шука рыбонька на морѣ,
 Првцило золото и серебро до берегу,
 Старостому кониченькови до чола,
 Шо-бы ся свѣтивъ, якъ яснѣя зори,
 Ой шобы вѣтъ съ дороженьки не сблудивъ,
 Шобы вѣтъ крамскихъ сорочокъ не сгубивъ.

7.

Розгочено, поволочено по стѣняхъ,
 Розстелено лѣнны скатерти по столу,
 Куда мишла красна Марусенька на посагъ;
 Пытається, доведуеться вѣтъ батенька,
 А вѣтъ кого, мѣй батеньку, посагъ ставъ?
 Вѣтъ Бога, вѣтъ добрыхъ людей, дѣтятко,
 Посагуеть самъ Господь Богъ съ ангелами,
 Посагуеть тя, мое дѣтятко, съ друзьями.

8.

Де ся ми дѣвѣ, де ся ми подѣвѣ Марусенькинѣ батенько,
 Чомъ не выйде до новои свѣтлощкы,
 Чомъ не стане до тисового стола,
 Чомъ де даруе свого дѣтятка?
 «Ни червоньими, ни золотыми дѣтятко даровати,
 Ино счастьемъ и здоровьемъ и добренькою долецькою.»

9.

Обдарована Марусенька :
 Гривнями золотыми,
 Таллярами битыми :
 Она гривнѣвъ не брада,
 По столѣ посувала :
 «Лежъте, полежъте гривноцьки золотыи,
 Талляры битыи,
 Я пѣду ступаючи,
 Два двори минаючи,
 А на третьѣмъ стану,
 Стану послухаю,
 Шо батенько говоритъ :
 Давъ ми ся Бѣгъ дѣждати
 За людей дѣтя дати.

10.

Ой куры, куры не пѣйте рано,
 Бо теперъ нашъ староста съ дороги прѣвхавъ,
 Пустивъ коника до пастовника,
 А самъ пѣшовъ въ садъ виноградъ,

Выломавъ квіточку, виноградную квіточку:
Ударивъ сваненьку по бѣломъ личеньку, —
Ажъ ся сваненьцѣ личко смѣнило,
Не такъ ся смѣнило, якъ зарумянило.

11.

Благослови Боже и ты рѣдний батеньку!
Де-жъ твоѣ, Марусеньку, старшій братъ,
Що твои косы розплѣтавъ?
Де твои вышитки подѣвавъ?
Чи на тихій Дунай попускавъ,
Чи молодшю сестриньцѣ даровавъ?
Де твои, Марусенько, ковали
Що твою косеньку ковали?
Та нехай прійдуть розкують
Все собѣ сребро, золото заберуть.

12.

Въ недѣлюнку рано
Въ селѣнѣ заграно,
Заграно и забубнено,
Бояры побуждено:
«Вставайте Бояры, вставайте,
Коники сѣдлайте,
Сами ся убирайте,
Во повдемо ранкомъ,
По дѣдъ высокимъ замкомъ,
Будемъ замки ломати,
Марусеньки дѣставати!»
И замкѣвъ не ломали,
И Марусеньку достали.

13.

Пѣшовъ Ивасенько
До стояночки,
Кониченька сѣдлати,
Кониченька сѣдлае,
Съ тихенька гадае,
Слѣзами ся вмивае.
Пришда до него
Матенька его:
«Чого Иваненьку плачешъ?»
Ой якъ же менѣ,
Моя матенько,
Молодому не плакати,
Самъ я не знаю,
И не сгадаю.
И не скажуть люде, —
Яка ми доля буде.

14.

Радиться Ивасенько
Своего батенька:
Порадь менѣ батеньку,
Якъ много боярѣвъ брати?
«Сыношкку, Ивасеньку,
Що силюшка зможе,
Господь Богъ да поможе:
Хочъ сто коней верховыхъ,
А се двадцять вѣзовыхъ.»

15.

Червоно калинонько (*)
 Бхавъ старостонько,
 Со своими боярами;
 Ему калинонька дорогу заступила:
 Выйишъ шабельку,
 Выйишъ красненьку,
 Ставь калину рубати;
 До него калина,
 До него червона
 Стала перемавляти:
 Не для тебе, старосто,
 Калина саждена,
 Ено для тебе
 Сваненька срождена.

16.

Сивая зазуленька,
 Не лѣтай раненько
 Па яру пшениченьку,
 Бо тамъ на тебе
 Сивый соколъ засяде,
 Сгляне ты оченьками,
 Пойме ты крилоньками,
 Занесе въ темной лѣсоньки,
 Межи чорныи галоньки,
 Тамъ будешъ ковати,

(*) Вместо: червоною калиною или черезъ червону калину. Прим. Г. Вацлави.

Никому не слухати!
 Красная Марусенько,
 Не выходи раненько
 На нове по́дсвненько,
 Бо тамъ на тебе
 Самъ король засаде,
 Сгляне ты оченьками,
 Возме ты рученьками,
 До чужой стороньки,
 До чужой матоньки,
 Тамъ будешъ плакати,
 Никому пожаловати!

17.

Въ лѣсѣ, лѣсѣ буковомъ,
 Ой шло, шло два тесельчички,
 Свкуть, рубають самборъ деревце,
 Свкуть, рубають, на Дунай пускають,
 Чи уорне, уворне самборъ деревце,
 Чи пойма, чи возьме староста сватеньку?
 Не вдорне, ни уворне самборъ деревце,
 Ни пойма, ни возьме староста сваненьку.

18.

Ой у саду вишенька,
 По по́дъ нею стеженька;
 Читався староста,
 Кто ту стеженьку утоптавъ?
 Ой утоптавъ сю
 Молодой дружбиненько,
 Съ вечера ходячи,
 Подарунки прослячи.

19.

По за Дунаёмъ кони
Сывыи и вороньи ;
Журился старостенько ,
Кому-бы поплынути ;
Стаденько повернути ?
Учула тое сваненька :
Не журился старостеньку ,
Поможу ти мосты
Съ бѣлои рыбы кости ,
Тудѣ-жъ ты переѣдешъ
Вороне стадо вернешъ.

20.

Пѣдъ дубровою ,
Пѣдъ зеленою ,
Дрѣбна росонька впала ;
Тамъ Марусенька ,
Тамъ панцунешка
Кразу розсѣвала .
Прійшовъ до неи
Батенько ей :
«Що днешъ Марусенько?»
Тое я дѣю ,
Красеньку сѣю ,
Изъ рукавца вытрясаю ;
Ой якъ ми Богъ дасть
Добру доленьку ,
Я ю посбераю ;
А якъ ми Богъ дасть
Лиху доленьку ,
То ю повехаю .

21.

Навхали гостеньки .
Изъ пужои стороненьки ,
Взяли си пѣдпивати :
«Иди, Марусеньку,
Въ нашу стороненьку ;
Въ сторонѣ нашын —
Гороньки золотын ,
Травоньки шовковын ,
Рѣчоньки медовын.....»
Прилетѣла зазуленька ,
Сѣла си въ окончку ;
Тай стала козати ,
Всѣмъ правду казати :
«Свѣтъ-же я облѣтала ,
А того не видѣла ;
Всюда горы землянын ;
Травоньки зеленын
Рѣченьки воднын .

22.

Ой летѣвъ соколенько черезъ три лѣсы ,
А на четвѣртѣмъ ставѣ па попасѣ ,
Ставъ на попасѣ въ галеньки на гивздѣ ;
А ему галенька дуже раденька ,
Ягодки сбѣрае , соколенька пріймае .
Ой вхавъ Ивасенько черезъ три сѣлы ,
А на четвѣртѣмъ ставѣ на попасѣ ,
Ставъ на попасѣ въ тестенька на дворѣ ;
А ему Марусенька дуже раденька ,
Дала копѣви зеленого сѣна ,
А ему молодому и меду и вина .

23.

Ходить садѣвникъ по садоньку,
 Вишни, черешни личить;
 «Ой ё же мои вишни, черешни,
 Ино сливоньку стято,
 Стято, порубано,
 И трѣсочки позбѣрано!»
 Ходить батенько по свѣтлоньцѣ,
 Всю челядоньку личить:
 «Ой ё же моя вся челядонька
 Ино одной нема.....
 Марусеньку взяла,
 Въ мужину завела!»

24.

Чорна ся галошыка журила,
 Шо зарано вылетѣла;
 Всюда морозъ, всюда снѣги,
 Ни гдѣ свѣти гвѣзда вѣти,
 Дѣтоньки виводити!
 Красна ся Маруня — журила
 Шо молода замужъ пошла;
 Ни якъ си радоньки дати,
 Не умѣ ни въ полю робити,
 Ни въ дому господарити!
 Вчувъ тое король Ивасенько:
 «Не журися Марусенько,
 Ой ё въ мене рѣдна мати,
 Шо тебе буде вчити
 И въ полю робити,
 И въ дому господарити.

25.

Ивасва мати двѣри поѣхидла,
 И съ зорою розмавила:
 «Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерня,
 Тожесь ми присвѣтила:
 До дому мытницю,
 До поля робѣтницю,
 До коморы кдючницю (*).

26.

Казавесь клѣновий листочку,
 Шо не будешъ падати,
 А теперъ падаешъ,
 Земленьку крыешъ,
 Бо лютий морозъ чусишь!
 Ой казавесь мой батеньку,
 Шо мя не дашь вѣтъ себе,
 А теперъ даешъ,
 Та я самъ не знаешъ,
 Шо за долешька буде;
 «Тото ти даю,
 Шо въ дому маю,
 Доли ти не сгадаю.»

(*). Въ эти 25 свад. пѣсень, поють въ Жолкиевѣ, на сѣверѣ отъ Львова, въ древнемъ Бѣльскомъ или Выслоцкомъ удѣлѣ — Русскихъ Вольсько-Червоновскихъ Князей.

27.

До Нѣмецъ, братчику, до Нѣмецъ,
Купити щотонку, гребѣнецъ,
Розчесати русу-косу по́дъ вѣнецъ.

28.

Грайте музыки рѣзко,
Склонися Мариню низко,
Всѣй своѣй родинонцѣ,
Найменьшій дѣтиновцѣ.

29.

Ой Татаръ братчикъ, Татаръ
Продавъ сестру за таляръ,
Русу-косу за шостакъ,
Румяне личко таки такъ!

30.

Сърѣвна дружбонько, сърѣвна,
Край коровай сѣдрѣвна;
Треба ѣя складати,
Всю родину даровати.

31.

Мы роду не дввовского,
Мы роду старосвѣцкого,
Мы до васъ не ходили,
Короваю не просили.

32.

Ой встанимо, подіймимося,
Сдѣймѣмо шапочки, поклонимося,
На передъ Богу, господареву,
Господаронцѣ и кухаронцѣ,
За хлѣбъ принесеннѣ,
За пива приставленнѣ,
За студеную воду,
За добрую стоду.

33.

Дякуємо вамъ люде,
За хлѣбъ, за сѣль, за горѣвку,
И за хорошу дѣвку.

34.

Спытайся Мариню, мамы,
Чи поѣдешъ ты съ нами?
Завеземо тя въ горы,
Неповернешъ николи!

35.

Та дайтежъ намъ, дайте,
Щосьте намъ обѣщали:
Три подушокъ имховыхъ,
Сто золотыхъ готовыхъ,
И тое простирало,
Що шовкомъ вышивано.

36.

Не забувай мати,
Шовковий чепець дати,
И меховыя подушки,
Щобъ спали двѣ душки.

37.

Ой попе, попе, батьку папцѣ,
Отвори перковцю, пусти насъ.

38.

Повѣвъ вѣтеръ по горѣ,
Пришовъ молодой зъ войны;
Ой де стане, земля тале,
Куда гяне, трава вяне,
А каже Львовъ розбивати,
Королѣвну добувати;
Ой молодой ты небоже,
Най ти Господь да поможе, —
Королѣвна не твоя рѣвна.

39.

Убита ми дорѣжка до Львова,
А посаженный тамъ виноградъ,
Ходить коло него Маруня,
Ходить тай заснула;
А иде гуда батичко:

А вломивъ бы я того винограду,
Та не ввию,
А сбудивъ бы я Марьичку,
Та не смѣю.
Убита ми дороженька до Львова,
А посаженный тамъ виноградъ,
Ходить коло него Марьичка,
Ходить, тай заснула;
А иде туда миленькій,
Виноградъ ломати вмѣ,
Марьичку сбудити смѣ.

40.

А мы въ церкви були,
Щосьме тамъ видѣли?
Два вѣнцы, на стѣнцѣ,
Молодимъ на головѣ.
Ой попе, попе, батько папцѣ,
А поць ихъ и свѣнчявъ,
Двое дѣти зъ мѣжи насъ.
Одно дѣтатко — Марьичку,
А друге Василько.
А дякуемо попчкови,
Свому батечкови,
Що насъ не забавивъ,
Не богато съ насъ правивъ:
Лешъ жовтого червоного
Вѣтъ пана молодого.

41.

Що-жъ мы тобѣ привѣли,
 Выйди матечко, помяни,
 Чи калиночку, чи малиночку,
 Чи молоду невѣсточку?
 А де калица стята,
 Тамъ молоденька взята,
 Вѣтъ вѣтца, вѣтъ мати,
 До молодого хаты,
 Вѣтъ роду великого,
 До богацького дому.

42.

Домашина мати
 По улицѣ ходить,
 Сусѣдъ своихъ просить:
 Та сусѣденьки мои
 Да ходить до мене,
 Та слышитъ коровой красный,
 Якъ на небѣ мѣсяць ясный;
 Пѣдете съ шишочками (*),
 Якъ на небѣ съ зѣрочками.

(*) Небольшіе хавбы, на верху у нихъ изображаются шишки или голуби; они обвиваются въ Малороссіи «червоными жижками» и украшаются иглою калины — она есть символъ-цѣломудрїи.

43.

А не вѣй вѣтре въ лозы,
 Повѣй по дорозѣ,
 Розвѣй русу-косу,
 По червонымъ поясу!

44.

Съсвѣченая калиночка, съсвѣченая,
 А вже наша Домащка свѣнчая;
 Жовты чобѣтки на позѣ,
 Шо купивъ въ мѣсѣ на торзѣ.

45.

Помети соколеньку, попередъ насъ,
 Занеси вѣстопьку вѣтъ насъ,
 Нехай выходитъ матенька съ колачемъ,
 Свѣнчали ей дочку съ папичемъ,
 Чи съ паничомъ, чи не съ паничомъ,
 Свѣнчали ею съ мужикомъ,
 Связали бѣды ручки ручникомъ.

46.

Глянь матенько, на мѣй посагъ!
 Всѣхъ дружочокъ плетена коса,
 А на менѣ така падь пала, —
 Що я свою розчесала,
 Кѣсками плечи окрыла,
 Слѣзками личко умила!

47.

Ковала зазулочка въ садочку,
 Прихиливши головочку къ листочку;
 Що-жъ она куючи казала?
 Що не буде у свекрухи, такъ я въ мати мала,
 Що не буде на уленьку пускати
 Ено буде въ хагъ держати.

48.

Хвалилася Княгиня,
 Шо е дарѡвъ скрыня;
 Хиба ихъ не маєте,
 Шо намъ ихъ не даєте.

49.

На соколовѡмъ полѣ
 Слетѣлися соколы,
 Межи ними соколонько,
 Межи ними сивенькій,
 Крылоньками махае,
 Летѣтоньки (*) гадае,
 Въ темниці лесоньки,
 Межи чорны галоньки,
 Тамъ му галонька мила, --

(*) Уменьшительная степень глагола летать; въ Малороссійскомъ нарѣчїи, глаголы и многія нарѣчїя имѣють степени сравненія.

Бо гнѣздочко увила,
 Увила, перевивала,
 Въйникомъ пообладала,
 На Ивасѡвѡмъ дворѣ,
 Съѣхалися бояры,
 Межи ними Ивасенько,
 Межи ними молоденькій,
 Въ руцѣ шапочку носитъ,
 Свои бояры просятъ:
 «Бояры молодцы!
 Учинить волю мою,
 Да ходитъ со мною до тещенька на дворѣ,
 До Маруненьки за стѡлъ:
 Тамъ ми Маруненька мила --
 Бо ми сорочку ущила.»

50.

На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
 А на тымъ барвинкови перепелонька грае.
 А хто-жъ тую перепелоньку словить?
 Старостонька мовить:
 Я-жъ бо не поѣду,
 Мѡй конь сивенькій
 На камѣнь не ступитъ,
 Камѣня не вдушитъ,
 Нимъ поѣдъ гору ввѡйде,
 И соненько сбѣдетъ.
 На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
 А въ тымъ барвинкови перепелонька грае,
 А хто-жъ тую перепелоньку словить?
 Дружбонька мовить:
 Я-жъ бо не поѣду,

Мой коникъ сивенькій,
 На камѣнь не ступить,
 Камѣня не влупить,
 Нимъ по́дъ гору вво́йде,
 И соненько со́йде.

На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
 А въ тымъ барвинокви перепелонька грає,
 А хто-жъ тую перепелоньку словить?

Хорунжій мовить:
 Я-жъ бо не по́ду,
 Мой коникъ сивенькій,
 На камѣнь не ступить,
 Камѣня не влупить,
 Нимъ по́дъ гору вво́йде,
 И соненько со́йде.

На горѣ, на горѣ зеленый барвинокъ,
 А въ тымъ барвинокви перепелонька грає,
 А хто-жъ тую перепелоньку словить?

Щелый свѣтъ мовить:
 Василько по́де,
 Его коникъ сивенькій,
 И на камѣнь ступить,
 И камѣня влупить,
 И по́дъ гору вво́йде —
 Нимъ соненько со́йде
 И перепелоньку вхопить:
 Перепелонька Марусенька, —
 Взявъ ея за ручешку,
 Повѣвъ до батенька.

КОНЕЦЬ.

№ 160
 9/19

ЦѢНА :

Въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ 4 рубли ;
съ пересылкою во всея города 5 руб.